DK 501
.K 593
1919

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK501
.K593
1919

a 00001 89994 9

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/russkiiseverrols00kize

А. А. Кизеветтер.

РУССКИЙ СЕВЕР.

Роль Северного Края Европ. России в истории русского государства.

Исторический очерк.

ВОЛОГДА.
Типография Союза Северных Кооперативных Союзов.
1919.

5933/4
9(47.1/2)
К 38
~~130422/R~~
DK501
.K593
1919

А. А. Кизеветтер.

РУССКИЙ СЕВЕР.

RUSSKII SEVER.

Роль Северного Края Европ. России в истории русского государства.

Исторический очерк.

ВОЛОГДА
Типография Союза Северных Кооперативных Союзов.
1919.

1939. 1

Проверено 1947 г.

Проверено 1959

Громадные пространства, занимающие северную часть восточно-европейской равнины от берегов Ледовитого океана и до водораздела, отделяющего левые притоки верхней и средней Волги от бассейнов рек крайнего русского севера, и от русско-норвежской границы до Уральского хребта,—на первый, поверхностный взгляд могут показаться страной неприветливо-суровой, малопривлекательной по низкому уровню культурного развития, малообещающей по однообразию природных условий и естественных богатств. На основании таких поверхностных и глубокоосновательных впечатлений может зародиться мысль, что этому краю—несмотря на всю его обширность — выпало на долю представлять собою нечто вроде мертвого капитала в составе владений русского государства. За подтверждение такой мысли может быть принято то обстоятельство, что на памяти живущих теперь поколений этот край действительно прозябал в некоторой заброшенности и только в самое последнее время и государственная власть и общественная торгово-промышленная предприимчивость начали направлять свое внимание к лесным равнинам русского севера.

Достаточно, однако, даже беглого взгляда на исторические судьбы этого края, чтобы, при свете ярких исторических фактов, убедиться в несостоятельности вышеприведенного воззрения, довольно распространенного в нашем малосведущем в родной истории и малосильном в знании родной страны образованном обществе. Исторические факты показывают, что, если этот край в новейшую эпоху нашей истории и представляет собою нечто в роде мертвого капитала, то происходит это исключительно потому, что об этом капитале мало кто вспоминал, мало кто задумывался о том, чтобы приложить к нему творческую предпринимательскую энергию. Но стоит только заглянуть немного подальше в историческое

прошлое этого края, как перед нами развернется совершенно иная картина; мы увидим, что в течение длинного ряда веков нашей истории этот край являлся ареной оживленной творческой работы; ключем била здесь трудовая народная энергия, которая находила себе в этих необозримо-громадных лесных пространствах, в изобилии прорезанных могучими речными артериями, достаточное количество материала и удобных точек приложения для своих целесообразных усилий, приносивших осязательные плоды. И в связи с этим в прошлые эпохи нашей исторической жизни этому краю принадлежала важная активная и положительная роль в общем ходе и экономического и политического развития России; он входил в состав русской земли в те времена не в виде неподвижной мертвой гири, привешенной к русскому государственному организму и своей тяжестью тормозившей свободное раскрытие внутренних сил этого организма, а в виде жизнеспособной питательной его клеточки, существенно содействовавшей его общему внутреннему преуспеянию.

Такая роль выпала на долю интересующего нас края в минувших судьбах нашей родины благодаря свойственным ему своеобразным особенностям, которыми он отличался от прочих составных частей Русской Земли и в силу которых он и мог вносить в общую сокровищницу и материальной и духовной культуры России тех времен свой особый, весьма важный вклад.

В последующем изложении мы намерены представить вниманию читателя краткий очерк исторических судеб этого края. Мы полагаем, что этот очерк—при всей его краткости—все же представит достаточно материала, как для подтверждения справедливости только что высказанного заключения о минувшей исторической роли этого края, так и для доказательства того, что русскому северу—в силу тех же природных его условий может и в будущем предстоять важная положительная роль в общем процессе возрождения России.

I.

Набеги Скандинавов на древнюю Биармию.

История Северного Края Европейской России представляет большой интерес прежде всего в том отношении, что этот край, так сказать, на глазах историка, при свете летописных и документальных данных, превращается из полудикой пустынной области в арену оседлой промышленной культуры. Мы можем с достаточной отчетливостью проследить за этим процессом, в котором так ярко выразились живые творческие силы русского народа.

На заре нашей истории вся эта обширная страна, лежащая к северу от средней Волги и примыкающая к побережью Ледовитого океана, находилась, можно сказать, за порогом тогдашнего культурного мира. Не только для Западной Европы, но и для населения внутренних частей восточно-европейской равнины то был маловедомый край, рисовавшийся воображению русских людей в фантастических, сказочных очертаниях. Даже и в позднее сравнительно время—в конце XI и начале XII стол. по русской земле ходили самые невероятные рассказы о чудесах, которыми якобы полна была жизнь в этой отдаленной окраине мира. Рассказывали, например, что там, за лукою моря стоят горы, вздымающиеся до небес; шум и крик доносится из средины горы; внутри той горы живут люди, не могущие оттуда освободиться; они прорезали себе из горы маленькое оконце, выглядывают оттуда и кричат, но разобрать их языка невозможно; они только руками показывают на железо и просят его, а за ножи и топоры предлагают звериные шкуры. Рассказывали и про иные разные чудеса. Говорили, что там с неба из тучи выпадают белки и олени и расходятся по всей земле. Такие толки записал летописец со слов новгородских промышленников, только что начавших тогда посещать эти далекие области крайнего северо-востока Европы Можно представить себе, какими сказочными красками рас

цвечивался этот дикий край в представлении русских людей в еще более раннее время, когда туда еще не проникали предприимчивые смельчаки ни из Новгородской земли, ни из Суздальщины.

До начала XI ст. побережье Ледовитого океана и бассейны рек Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры были населены исключительно финскими племенами, из числа которых наша древнейшая летопись на первых же своих страницах называет Емь, Заволоцкую Чудь, Пермь, Печору, Югру. Если прибавим сюда Корелу, Лопь (лапланцев) и Самоядь—о которых встречаются упоминания в других местах летописей,—то мы исчерпаем весь состав изначального финского населения этого края.

Если славянские поселенцы Озерного края—ильменские славяне и кривичи—уже в IX веке находились в деятельных сношениях с финскими народцами, жившими по верхней Волге (Весь, Меря) и в юго-западной части Озерной области („Чудь", которую надо отличать от *Заволоцкой Чуди*, жившей по бассейну Северной Двины), то вышеперечисленные финские племена, обитавшие по речным бассейнам Северного и Северо-Восточного Поморья, стояли тогда еще совершенно в стороне от славянского мира и не соприкасались с ним, отрезанные от него необозримыми чащами первобытного леса. Но уже тогда в жизни этого края начали происходить события, которые указывали на то, что не долго останется он вне влияния более культурных соседних народов, ибо естественные богатства этого края таили в себе притягательную силу, способную действовать на весьма далеких расстояниях.

Уже в IX ст. слухи об этих богатствах достигли до берегов Норвегии и среди предприимчивых норвежцев нашлись отважные мореплаватели, открывшие через Ледовитый океан дорогу к устью Северной Двины и завязавшие сношения с русским поморьем, прозванным норвежцами Биармией (Биармаланд).

Часто можно слышать утверждение, что об этих древнейших сношениях норвежцев с Биармией мы узнаем лишь из поэтических сказаний исландского эпоса, из исландских саг, в которых трудно отделить зерно исторической действи

тельности от поэтического вымысла. Это мнение совершенно неверно. Самое раннее из дошедших до нас известий о поездках норвежцев к берегам Северной Двины носит как раз вполне исторический характер и не оставляет сомнения в своей исторической достоверности. В конце IX ст. английский король Альфред Великий, выучившийся по латыни, перевел на англо-саксонский язык „Всемирную Историю“ испанского священника V-го века Орозия. В этот перевод Альфред вставил от себя рассказ о поездке в Биармию двух норвежцев Вульфстана и Отера, записанный им со слов самих этих отважных мореплавателей. Таким образом, перед нами—историческое свидетельство, идущее из первых рук, от самих участников описываемых в нем событий.

Рассказ о путешествии Отера в Биармию представляет большой интерес, как по своей достоверности, так и по своему содержанию, которое бросает свет на некоторые черты быта „биармийцев“, иначе говоря—живших по Двине Заволоцкой Чуди, а также и на характер древнейших сношений Норвегии с этим отдаленным краем.

Из рассказа этого видно, что экспедиция Отера была первым опытом проникновения норвежских мореплавателей к нашему Поморью. Отер говорил королю Альфреду, что он предпринял свое путешествие из желания разузнать, далеко ли на север простирается берег Норвегии и живет ли кто-нибудь на крайней северной оконечности этой страны. И он держал свой путь на север, пока берег не свернул на восток. Так он добрался, повидимому, до Святого Мыса на Коле и, выждав там попутного ветра, поплыл далее в юго-восточном направлении, пока не достиг устья большой реки, которая вела внутрь страны. Все топографические намеки, рассеянные по рассказу об этой поездке, не оставляют сомнения в том, что Отер под'ехал к устью Северной Двины. Из дальнейшего изложения видно, что ему было ново все, что он видел и узнавал. Итак, несомненно, что мы имеем здесь дело с повествованием о первоначальном открытии норвежцами пути в Белое море и к устью Двины, которое, следовательно, должно быть отнесено к IX столетию.

Обозначая наименования прибрежных пространств, мимо которых ему пришлось проехать, Отер различает: 1) „землю

Терфинов" т. е. Терский берег*) и 2) „Биармаланд", т. е. побережье от устья Двины до устья Мезени. Земля Терфинов по наблюдениям Отера оказалась совсем пустынной; только кое-где, на далеких расстояниях друг от друга там попадались маленькие поселки, в которых жили финны-охотники, рыбаки и птицеловы. Но на побережьях Двины Отер нашел довольно густое население. Отер вступил там в переговоры с биармийцами, выслушал их рассказы об окрестных странах, но все же не решился углубиться в страну по течению Двины из боязни враждебных нападений. С добытыми сведениями Отер вернулся на родину. С этого времени завязались сношения норвежцев с нашим Поморьем. Уже сам Отер вскоре вторично отправился по открытому им пути и король Альфред прямо указывает со слов самого мореплавателя, что Отер на этот раз поехал туда *из-за моржей*, зубы которых представляли собою весьма драгоценную кость. Несколько таких зубов Отер поднес королю. Оказалось, что кожа моржей в высшей степени пригодна для корабельных канатов.

Сведения о дальнейших поездках норвежцев в Биармию мы почерпаем уже из скандинавских саг. Важнейшая из них есть сага об Орваре-Одде. Одд—сын зажиточного поселенца острова Рафниста, лежащего недалеко от берегов Норвегии, где расположен теперешний Рамстад. Колдунья предсказала 12-летнему Одду, что ему суждено принять смерть от своего коня. Придя в возраст, Одд убил назначенного ему коня, думая, что этим он сделал невозможным исполнение предсказания колдуньи (как это напоминает летописное сказание о нашем Олеге!), а сам навсегда покинул место своего жительства и пустился в безконечные скитания по суше и по морю. С'ездил он во время этих скитаний и в Биармию вместе с своим братом Гудмундом и племянником Сигурдом.

Добравшись до устья Двины, они в'ехали в устье и затем поднялись вверх по реке. Настала ночь. Путешественники остановились и вышли на берег, покрытый лесом. Из лесной чащи они набрели на избу, освещенную внутри и наполненную народом. Там шел какой-то пир. Из лесу тоже выходили люди и кружились на одном месте. Не то это был

*) В русских источниках этот берег называется *Тре*. Филологи ставят это название в связь с скандинавским словом «trä», что значит лес и «Terfinna» переводят—лесные финны.

какой-нибудь народный праздник, не то здесь совершался какой-либо религиозный обряд. Путешественники не понимали языка биармийцев. Но вдруг до их слуха долетели слова на их родном языке. То говорил человек, разливавший в избе вино. Норвежцы, ворвавшись в избу, на глазах у изумленных биармийцев схватили виночерпия и унесли его на свои суда. Там учинили ему допрос. „Я норвежец, сообщил он, и уже семь лет, как живу здесь". Итак, сага повествует о времени более позднем, нежели путешествие Отера, о времени, когда сношения норвежцев с Биармией уже участились и среди биармийцев появились даже отдельные норвежцы, акклиматизировавшиеся в этой стране. Виночерпий сообщил Одду, что выше по реке Двине стоит курган, к которому биармийцы сносят различные приношения за каждого родившегося и умершего человека и складывают у подножия кургана. Норвежцы добрались до кургана и похитили все сложенные там богатства. Они нашли там много серебра, так что едва донесли его на носилках до своих судов. Выждав на судах наступления ночи, они вновь пошли по лесному берегу на разведки. Они шли всю ночь, а на заре их встретила большая толпа биармийцев. Во главе толпы находился виночерпий, бежавший накануне от приезжих. От лица всего собрания он заявил Одду, что биармийцы хотят вступить в торговые сношения с приезжими и купить у них оружие. Одд ответил отказом. „В таком случае—заявил виночерпий—мы отнимем у вас силою все, что вы похитили у кургана; защищайте вашу добычу и жизнь". Начался жестокий бой. Множество биармийцев пало от руки Одда и его спутников. Наконец, биармийцы дрогнули и разбежались, оставив на месте большое количество оружия. Норвежцы все унесли к себе на суда и поплыли обратно, покинув негостеприимный берег *).

Мы не будем, конечно, излагать содержание всех сказаний о поездках норвежцев в Биармию. Отметим еще только некоторые любопытные подробности из повествования о набеге на Биармию Торера Гунда. Торера послал в Биармию норвежский король Олаф Святой. Итак, этот набег относился уже к XI столетию. Торер прибыл к Двине во время

*) Тиандер—„Поездки норманнов в Биармию"—в „Известиях II Отделения Академии наук".

ярмарки, на которой он и его спутники накупили много *мехов*. Перед от'ездом они вздумали ограбить кладбище биармийцев, где в могилы вместе с покойниками были зарываемы различные богатства. Кладбище это было обнесено забором, а посредине его стоял истукан бога Иомаллы. На шее идола блестело драгоценное ожерелье, а перед идолом стояла серебряная чаша, наполненная деньгами. Норвежцы похитили ожерелье и забрали чашу. Снимая ожерелье, они отсекли идолу голову. От шума проснулись сторожа, затрубили в рога. Сбежались местные жители и погнались за приезжими грабителями, но те быстро скрылись на свои корабли и отплыли в море.

Эти сказания бросают яркий свет на общий характер сношений скандинавов с нашим Поморьем в ту отдаленную эпоху. И в IX и в XI ст., как видно из сообщений Альфреда Великого и саг,—эти сношения носили один и тот же характер военно-торговых экспедиций с явственно выраженным оттенком пиратских набегов на побережье полудикой страны. Не видим здесь указаний на какие-либо попытки прочной оседлой колонизации: отважные мореплаватели внезапно появляются из-за моря на берег Двины, добром или силою забирают добычу, и также внезапно исчезают, уплывая во-свояси. Они вступают с туземцами в меновые сделки, но мирные торговые переговоры каждую минуту могут перейти во враждебное столкновение, потому что заморские гости охотно предаются насильственному грабежу. Интересно подчеркнуть, что экспедиция Терера в XI столетии нисколько не отличается в этом отношении от экспедиции Одда, относящейся к IX в. За три слишком века характер этих набегов не изменился. Сближения, основанного на планомерных мирных сношениях, между норвежцами и придвинской Чудью не образовалось.

Рассмотренные данные указывают и на то, что именно служило в этих краях приманкой для скандинавов и чем промышляла преимущественно придвинская Чудь в ту эпоху. Моржевые кожи и зубы, меха и серебро—вот главные составные элементы добычи, увозимой скандинавами из Биармии. В обмен на это биармийцы всего более стремятся получить от заморских гостей железное оружие. Наличность

мехов и серебра у жителей Подвинья указывает на то, что Чудь уже в ту эпоху вела деятельные меновые сношения с населением более восточных областей Северного Края, прилегавших к Уралу, т. е. с Югрой, при посредстве которой они получали серебро и меха из Сибири. Развитие внутренних торговых сношений между различными частями финского населения Поморья еще до появления здесь славянских колонистов иллюстрируется и тем, что заезжие норвежцы наталкивались на берегах Двины на торговые сборища, носившие характер ярмарок.

Приведенные данные о характере древнейших сношений Норвегии с нашим Поморьем показывают, что эти сношения не могли привести к прочному приобщению этой полудикой тогда страны к культурному миру.

Но прошло приблизительно около двух столетий со времени первоначального появления скандинавов у берегов Двины, и по необозримым лесным трущебам, покрывавшим берега Онеги, Двины, Мезени и Печоры и их многочисленных притоков, пронеслось веяние новой жизни, совсем с другой стороны, при посредстве совсем иных переселенцев.

Приблизительно с средины XI ст. в этот полудикий лесной край с юго-запада и юга стали проникать славянские колонисты. По рекам и речкам они продвигались все далее в эту неведомую им ранее область и здешнее туземное финское население скоро стало все более и более уплотняться довольно густыми группами вновь возникавших здесь поселков, починков, погостов, в которых новые переселенцы располагались на прочное постоянное жительство, принимаясь за деятельный, настойчивый труд по извлечению различных промысловых выгод из естественных богатств колонизуемой ими страны. Финское Поморье стало превращаться этим путем в органическую составную часть Русской Земли. Лесная глушь преобразилась в арену кипучего промышленного труда. Обширный Северный край восточно-европейской равнины, оживленный влившимся в него потоком славянской колонизации, стал развертывать в разных направлениях таившуюся в нем потенциальную производительную силу. Бросим теперь общий взгляд на этот процесс, полный живого исторического интереса.

II.

Русский Север и Новгородская Держава.

В XI ст. в южных частях Северного края появляются первые колонисты из Суздальской земли. Приток этих переселенцев постепенно продолжался и в последующее время. Так, нам известно, что город Устюг Великий—первое летописное упоминание о котором относится к 1147 г., был основан выходцами из Суздальщины.

Однако, главная масса колонистов, которой выпало на долю обрусить этот первоначально чисто финский край, направилась сюда с другой стороны: не из Суздальщины, а из владений господина Великого Новгорода. Новгородская земля рано обнаруживает неудержимое стремление к расширению своих владений. Первоначальное стремление жителей новгородской области к переселениям на новые места вызывалось сравнительным малоплодородием почвы на их новгородской родине, которой никогда не хватало своего хлеба и которая всегда зависела от подвоза хлебных запасов из „Низовой" земли. Вскоре к этому побуждению, вызывавшему стремление к расширению Новгородской территории, прибавилось и другое. Новгород вошел в тесную связь с оживленным торговым движением, которое кипело тогда на Северном и Балтийском морях и во главе которого стояли купеческие фирмы торговых городов Северной Германии. Новгород-Великий сделался членом знаменитого Ганзейского Союза, и Новгородское боярство и купечество взяло в свои руки поставку на ганзеатические заморские рынки тех естественных произведений восточно-европейской равнины, которые высоко ценились тогда в Западной Европе. На первом плане в этом отношении стояли меха пушных зверей и более всего меха собольи. Необозримые леса северного края содержали в себе колоссальные количества этого ценного товара. Туда, в глубь этих лесов и направилось естественно внимание руководителей Новгородской державы. Это дало могучий толчек колонизационному движению из Новгородской земли в области северного Поморья. В этом движении приняли деятельное участие и государственная власть Новгородской державы и разнообразные слои самого новгородского населения.

Во главе движения шли военные экспедиции, снаряжаемые государственными властями господина Великого Новгорода. Эти военные отряды, пользуясь многоразветвленной сетью рек и речек, в изобилии пересекавших лесные чащи этого края, шаг за шагом продвигались все дальше и дальше в северо-восточном направлении от первоначальных границ Новгородской области. В первой половине XI столетия новгородцы стали довольно уже крепкой ногой в области, расположенной между озерами Ладожским и Онежским. К средине XI ст. речные бассейны Онеги, Ваги и Северной Двины были подведены под власть Великого Новгорода и тогда же начались новгородские экспедеции и далее на восток: в бассейн Мезени, Печоры и даже к Уральскому хребту, на западных отрогах северной части которого обитал финский народец, Югра. Течение Мезени занято было довольно прочно уже к концу XI стол. Но бассейн Печоры и область, лежавшая между Печорой и Уральскими горами, в течение всего XII и даже XIII ст. продолжала служить ареной кровавых столкновений между новгородскими отрядами и финскими туземцами: Печорой и Югрой. В XIV столетии новгородцы проникают и за Урал, к бассейну Оби. Кроме того, в XIII ст. в состав владений Новгородской державы оффициально включаются Пермский край и берега Кольского полуострова, а в XIV в. та же участь постигает и Вятку.

Таков был последовательный ход распространения государственной власти Новгородской державы на области русского Севера. Конечно, не следует представлять себе дела так, как будто оффициальное присоединение той или иной области Поморья к государственной территории Новгорода означало собою окончательное и крепкое превращение такой области в органическую составную часть Новгородской земли. На первых порах все ограничивалось тем, что передовой новгородской отряд, проникнув в новую местность, ставил на берегу реки городок, т. е. укрепленный острожек и об'являл, что местное население отныне должно платить дань господину Великому-Новгороду. Сбор дани, главным образом, мехами и серебром, которое, как мы видели в предшествующей главе, уже в IX веке проникало в большом количестве из-за Урала вплоть до Двинского Побережья, и составлял

первоначально единственную цель этой правительственно-военной колонизации. Полученные в виде дани с финских туземцев меха и серебро отправлялись в Новгород, а оттуда отпускались своим чередом на европейский Запад. Но сбор этой дани с Заволоцкой Чуди, Печоры и Югры и с других местных финских народцев долгое время не укладывался в формы, свойственные сколько-нибудь правильному финансовому управлению. Сбор дани в сущности состоял из ряда военных набегов на местных финнов, которые вовсе не были расположены безропотно признать над собою власть неведомых вооруженных пришельцев. И долго еще после оффициального признания той или иной области частью Новгородской державы в ней тянулась вооруженная борьба с местными туземцами, и то, что на оффициальном языке называлось данью, взимаемой с покоренных народцев, на самом деле было военной добычей, каждый раз захватываемой ценою кровопролитного набега. И в летописях и в устных народных преданиях сохранилось не мало известий о подобных столкновениях между отрядами новгородских „данщиков“ и Заволоцкой Чудью, Печорой и Югрой, и по этим известиям видно, что финны оказывали водворению в их стране новой власти сопротивление довольно упорное и воинственное, хотя в конце концев им и не удавалось отстоять свою независимость.

Набеги вооруженных „данщиков“ вряд ли достигли бы, однако, прочных результатов по укреплению новгородской власти на финском Севере, если бы в этом крае вслед за правительственными отрядами не прибывали неотступным и усиленным напором волны чисто народной колонизации. Эта народная колонизация в свою очередь принимала разнообразные формы. Передовыми застрельщиками ее являлись военно-промышленные „ватаги“ новгородских „ушкуйников“ (от слова „ушкуй“—лодка). То были экспедиции, предпринимавшиеся по частному почину: несколько отважных промышленников вступали в соглашение, набирали себе товарищей, составляли вооруженную рать, сажали ее на флотилию лодок-ушкуев и отправлялись по рекам и речкам в отдаленные области, либо за тем, чтобы вооруженною рукою набрать себе такой же добычи—мехов, серебра,—которою собирали в казну Великого Новгорода правительственные

„даньщики“, либо за тем, чтобы, захватив какую-нибудь „землицу“, основать там на месте выгодный „промысел“ начать постоянную разработку местных естественных богатств. Часто такие „ушкуйнические ватаги“ начинали свое отважное предприятие с формального одобрения новгородских властей и перед выступлением в поход „благословлялись у Св. Софии“, давая обет в случае удачи пожертвовать десятую часть добычи в пользу патронального храма Великого Новгорода. Но бывали и такие случаи, когда „ватага“ начинала свое дело самовольно, а порою даже вопреки запрещению оффициальных властей. Так, в 1342 году сын новгородского посадника Лука Варфоломеевич, „не послушав Новгорода и владыки“, собрал холопов, пошел за Волок на Двину, поставил там городок Орлец на р. Двине и начал воевать по окрестностям; взял на щит все чудские поселки по Двине, но в конце концев во время одного из своих набегов был убит возмутившимися туземцами. В 1364 году ватага молодых новгородцев с детьми боярскими и двумя воеводами, Александром Аввакумовичем и Степаном Лапою, воевали «от Югры до р. Оби и по Оби до моря“ и завоевали некоторые местности по Оби.

Так или иначе, с одобрения новгородских властей или на свой страх и риск, подобные вооруженные промышленные ватаги ушкуйников захватывали выгодные для промысла места у финского населения, строили крепостцы, заводили поселки на этих местах, облагали данью гуземцев или просто грабили их. *Пушное богатство, рыбный и соляной промыслы*—вот что манило к себе новгородского промышленника-капиталиста, снаряжавшего экспедиции, которые проникали на отдаленную Колу и Печору, переваливали за Уральский хребет и закрепляли за Новгородом одну землю за другой, „за пионерами движения, какими были ушкуйники, двигался земледелец-крестьянин, занимавший удобные для пахоты земли по берегам рек под защитою небольших „городков“, сооружавшихся обыкновенно при слиянии рек“ *).

Так под охранительною сенью правительственной и частной „ушкуйнической“; военной колонизации двигалась все туда же, вглубь финского севера и северо-востока, и

*) Богословский М. М. „Земское самоуправление на русском севере в XVII ст.“, т. I.

чисто уже мирная колонизация, двигались массы трудового населения, оседавшие многочисленными промысловыми поселками по берегам рек и речек. Так создавалась мало по малу прочная соединительная ткань сцеплявшая между собою отдельные пункты, завоеванные удачными набегами военных отрядов, заполнявшая промежуточные между ними пространства и более или менее крепко спаивавшая их с Новгородской державой. В какой сильной степени эта народная колонизация послужила здесь живой основой для последующего государственного строительства, это видно хотя бы из того, что возникшее здесь впоследствии административное деление территории на уезды и их более мелкие подразделения располагалось прямо по очертаниям первоначальных колонизационных займок и округов Реки и речки, как единственные здесь средства сообщения, определяли своим расположением конфигурацию колонизационных округов, с которой совпала затем и конфигурация правительственного административного деления территории „Группа поселков, вытянувшихся по берегам небольшой реки, образует здесь мелкую областную единицу—погост, стан, волость, приход. Бассейн большой реки с ее притоками, по берегам которых расположились эти волости и станы, образует уезд, так что в Поморье территория уезда, это—система большой реки с ее притоками Уезд как бы живой организм со становою нитью и с нервными разветвлениями расходящимися от нее в обе стороны“ *). Так было и в эпоху принадлежности этого края Новгородской державе, так осталось и в то время, когда этот край вместе с самим Великим Новгородом вошел в состав Московского государства.

Разумеется, это пришлое, но пустившее затем здесь глубокие корни трудовое новгородское население далеко не равномерно наполнило собою отдельные части северного края. Оно заметно редело по направлению от юго-запада к северо-востоку. Наиболее густою массою оно покрыло область, примыкавшую к Онежскому озеру и бассейну р. Ваги: довольно густо осело оно по Двине и Мезени. По Печоре и к востоку от Печоры картина менялась: там умножение оседлых поселений пришлых колонистов относится уже к более

*) Богословский М. М. „Земское самоуправление на русском севере в XVII ст.“, т. I.

позднему времени. В эпоху самостоятельности В. Новгорода финское туземное население оставалось здесь наименее затронутым в своем безраздельном обладании родным краем и проникновение сюда новгородцев совершалось лишь в форме отдельных военно-промышленных экспедиций и набегов „даньщиков“ и „ушкуйников“.

Руководителями и устроителями трудовой колонизации, превращавшей полудикие области Севера в арену оживленного промышленного труда, являлись крупные новгородские боярские фамилии. Боярство в Великом Новгороде представляло собою класс наиболее состоятельных промышленников-капиталистов, которые именно в силу своего экономического могущества, получили преобладающую, руководящую роль и в политической жизни Новгородской державы. Они фактически держали в своих руках Новгородское вече; они заполняли своими представителями так называемую „господу“, т. е. высший правительственный совет в Великом Новгороде, в котором сосредоточивалось действительное руководство всей новгородской политикой; из их среды избирались выборные органы исполнительной власти — посадники и тысяцкие. Когда Новгород вошел в состав Ганзейского союза и стал развивать торговые сношения с ганзеатическими торговыми центрами, то же боярство оказалось во главе этой торговой деятельности. Конечно, не одни бояре участвовали в ней. Но самые крупные операции, имевшие решающее влияние на все состояние Новгородского рынка, сосредоточивались в руках виднейших боярских фамилий. Отсюда становится понятным, что эти бояре-капиталисты были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы установить свою непосредственную связь с новыми владениями Великого Новгорода в Северном Крае, закрепить там за собою обширные земли, стать на них крепкою ногою, чтобы там, на месте, под своим руководством, вести планомерную разработку тех местных промыслов, которые давали бы прямо в их руки запасы ценных продуктов Северного Края, составлявших главный предмет их торгового вывоза на западно-европейские ганзеатические рынки.

И вот, лишь только в ту или другую область колонизуемого Севера проникали аванпосты Новгородской колони-

зации, там тотчас же начинали развивать предпринимательскую деятельность виднейшие фамилии Новгородского боярства; непосредственно в свои руки захватывали они львиную долю наиболее выгодных в промышленном отношении пространств, закрепляли их за собою формальными юридическими актами, насылали в эти новые свои вотчины своих холопов, принимали туда на тех или иных условиях свободных работников, а затем в такой вотчине открывалась кипучая деятельность по разработке различных промысловых угодий.

Более или менее крупное боярское землевладение возникло здесь на первых же порах утверждения в этом крае новгородской власти. И на Поморском побережье, и по Ваге, и по Северной Двине с их притоками, и по Мезени—всюду мы встречаем обширные боярские вотчины, среди владельцев которых блестят имена самых видных фамилий богатого новгородского боярства.

В Поонежье и по областям, примыкавшим к побережью Онежской губы Белого моря, крупное Новгородское боярство захватывает себе многочисленные владения. Здесь „занимают земли и покупают прежде занятые другими посадники, бояре и др. богатые люди Поморья... все эти богатые новгородские люди высылали в Поморье, на занимаемые ими земли, своих рабов или вольных поселенцев рабочих, бобылей, казаков *): это были первые по крайней мере наиболее значительные по количеству новгородские колонисты Беломорского Края. Боярские рабы и пасельники постоянно указываются в грамотах рядом с туземцами, корелами и лопью, как второй элемент поморского населения. К такому заключению пришел В. О. Ключевский на основании специального изучения грамот Соловецкого монастыря**). Позднее, когда возник Соловецкий монастырь, „боярские рабы приезжали к острову на рыбные ловли; они же вместе с корельскими людьми старались выжить с острова поселившихся в нем иноков, говоря им:—остров по отечеству наследие наших бояр". В перемежку с вотчинами бояр встречались здесь

*) Слово „казак" в древнейшую эпоху означало вольнонаемного деревенского батрака.

**) В. О. Ключевский—„Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском Крае". См. Опыты и исследования, М. 1912 г.

владения и более скромных поселенцев, приобретших на себя земли в Поморье; иные компаниями, вдвоем, втроем покупали в Поморье землю и селились на ней *). Но владения поселенцев такого рода затеривались среди многочисленных боярских вотчин, возникших в этом крае.

Не следует думать, что эти боярские вотчинские владения составляли здесь цельные сплошные округленные дачи. Боярская вотчина в прибрежных областях Беломорья представляла иную картину. Большею частью она состояла из многих раздробленных мелких участков, рассеянных по прибрежным островам, по морскому берегу и по „речкам морским“, часто на огромных расстояниях друг от друга. Встречаем, например, „отчину и дедину“, купленную новгородским посадником „за полчетверта рубля“ ($3^1/_2$), которая состояла из участков „на море, на Выгу и в Шуе реке и в Кеми реке и на Кильбострове и по морскому берегу и по обеим сторонам Понгамы реки и по лешим озерам“, т. е. тянулось отдельными участками на длинном пространстве Поморского берега и далеко уходила в Корельский берег. Процесс возникновения подобного рода владений рисуется в таком виде специальному исследователю относящихся сюда грамот**): „новгородский промышленник занимал сам или своими рабами и вольными крестьянами участок у моря, и на побережном острове, на приморской реке или озере и строил здесь двор; при дальнейшем движении он переходил на другое прибрежное место, на другую приморскую реку, занимал там другой такой же участок, не обращая никакого внимания на промежуточные пространства, вдали от моря, между впадающими в него реками, ибо они не представляли ему прибыльных промыслов и угодий; границы занимаемых таким образом земель не везде обозначались, ибо не везде встречались с границами земель других владельцев“.

Земледелие играло самую второстепенную роль в хозяйстве этих вотчин. И не мудрено: „страдомая или орамая земля“ была здесь редкостью по свойству почвы. Сеять можно было только ячмень, но и эта культура немного се-

*) В. О. Ключевский—„Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском Крае“. См. Опыты и исследования, М. 1912 г.

**) Там же.

вернее р. Кеми становилась невозможной, а еще севернее уже не родился никакой хлеб. Основной нерв хозяйственной деятельности состоял здесь в иных промыслах. Русского поселенца приманивали сюда рыбные богатства озер и „морских рек", обильная добыча соли и охота на прибыльное морское зверье. В перечислении промысловых угодий, входивших в состав хозяйства этих вотчин, всегда фигурируют: рыбные ловища, тони, соляные варницы, лесные рубки и *сала „морские"*. У нас есть сведения о том, что Новгород получал из своих отдаленных поморских колоний большие запасы сала китового и тюленевого, а также моржовых кож и зубов.

Многочисленные владения этого рода принадлежали по берегам Онежской губы и по бассейну р. Онеги — знаменитой новгородской боярской фамилии Борецких, которые сохранили их за собою до самого последнего времени самостоятельного существования Новгородской державы. В 1450 г. Борецкие подарили Соловецкому монастырю целую Кемскую волость и Сумский посад. По писцовым книгам 1496 года. по реке Суме значилось 19 деревень, принадлежавших Марфе Посаднице; они составляли волость, в которой была церковь. Эти деревни, так же как и ряд деревень по р. Выгу, обозначены в писцовой книге 1496 г под именем „Марфинских Исаковых". Ряд подобных же владений принадлежал Борецким и по Двинскому устью и по Двинской губе, как, например: Лявля, Малокурье, Кудьма, Ненокса и друг.. Борецкие жили в Новгороде и об ездили оттуда время от времени свои поморские владения. Во время одного из таких об'ездов погибли на море два сына Марфы Посадницы. Тела их были выкинуты на Корельский берег Двинского устья и здесь Марфа основала монастырь Никольский.

Иной характер носили боярские владения в других частях Северного края, не прилегавших непосредственно к морскому побережью. Так, почти сплошь покрыт был боярскими вотчинами бассейн р Ваги, большого левого притока Северной Двины. Здесь боярские владения слагались не из совокупности мелких промысловых участков, рассыпанных на значительных друг от друга расстояниях, а из крупных сплошных вотчин. Так, в Шенкурском уезде встречаем целую

„Борецкую волость“, сплошь принадлежавшую тем же Борецким. Крупнейшими владельцами на Ваге были бояре Своеземцевы. Известна грамота 1315 г., которою чудские старосты—Азик, Ровда, Караганец и Игнатец поступились Своеземцеву „всею Вагою“ за 20 тысяч белок и 10 рублей. Такие же крупные вотчины богатых новгородских владельцев простирались и в области бассейна Вычегды. Знаменитые Строгановы—по происхождению новгородцы—впоследствии ставшие крупнейшими магнатами землевладельцами в Пермском крае по Уралу и в Западной Сибири—в эпоху самостоятельности Великого Новгорода сосредоточили в своих руках обширные владения по Вычегде. Не уступали им здесь по земельному богатству и Осколковы. По писцовым книгам Сольвычегодского уезда показаны и другие крупные владельцы: Грудцыны, Савватеевы, Пивоваровы и друг.. В бассейне р. Мезени господствовали в своих обширных владениях Окладниковы, по имени которых и была названа Окладниковская слобода, гораздо позднее переименованная в город Мезень.

В таких обширных боярских вотчинах, на широкую ногу была поставлена эксплоатация местных естественных богатств. На первом плане тут стояли добыча *пушного зверя, рыбная ловля и солеварение*. В Заволочье, особенно по Двине, процветало *коневодство*. В состав контрибуций, налагавшихся Новгородом на двинян по случаю различных недоразумений и столкновений, часто входили многие тысячи коней. Важную отрасль местной промышленности составляла поимка ловчих птиц—кречетов и соколов. И позднее, ловчие птицы из Заволжья шли почти на всю Русь. Особенно славились печорские сокола, которых татарские ордынские купцы охотно выменивали большими партиями на серебро и азиатские товары.

Соболиные и иные меха и соль, поставляемые из этих вотчин в Новгород, обильно питали Новгородскую отпускную торговлю с гайзенскими рынками. Кроме того, эти крупные вотчинники являлись поставщиками в Новгород „закамского“ и сибирского серебра. С этою целью они вступали в деятельные меновые сношения с Югрой и на продукты своих промыслов выменивали у Югры серебро, шедшее туда и

Сибири и из Камской Болгарии. Новгородское правительство ежегодно брало с Заволочья огромные дани серебром и соболями, что и давало Новгороду возможность и поставлять большое количество серебра и мехов в Западную Европу, оправдывая тем свое участие в Ганзейском союзе и откупаться крупными суммами серебра от различных политических опасностей, грозивших Новгородской державе.

Известен случай, когда Новгород выдал Витовту откуп в 65 пудов серебра. Сколько раз московские князья возвращались с походов на Новгород с богатейшим откупом закамским и сибирским серебром.

Важными статьями Новгородской отпускной торговли при сношениях Новгорода с Ганзой служили еще деготь и поташ, которые шли в Новгород преимущественно с берегов Ваги, и воск.

Приведенные данные в достаточной мере указывают на ту роль, какая выпала на долю русского Севера в народнохозяйственной жизни русской земли, в эпоху принадлежности этого края к составу Новгородской державы.

Если в течение XII—XV в.в. в северо-западном углу русской земли могла возникнуть и вырасти мощная держава с широко развитыми формами народного, вечевого правления, с сильным классом капиталистов-бояр, с высоким под'емом торгово-промышленного развития, с оживленными связями с Западной Европой, то все это об'яснялось лишь тем, что Новгород сумел удивительным напором народной энергии вызвать к жизни громадные области русского Севера, втянуть их в сферу тогдашнего общеевропейского народнохозяйственного движения, дав плодотворный толчек разработке естественных богатств этого края.

Новгород дал этому полудикому финскому краю новое трудоспособное деятельное население, руководимое талантливыми и энергичными предпринимателями, и за то обезпечил себе тот безостановочный приток из этих отдаленных областей ценных продуктов местной промышленности, который в течение ряда веков оплодотворял его собственное экономическое благосостояние и позволил ему подняться на высокую ступень экономического и политического значения.

III.

Переход Северного Края под власть московских государей.

Во второй половине XV столетия весь Северный край России, вместе с остальной Новгородской державой, входит в состав Московского государства. Присоединение Новгорода к Москве, конечно, может быть вполне об'яснено не иначе, как в связи с общим процессом „собирания Руси Москвою", рассмотрение которого выходит за пределы задачи настоящего очерка. Здесь нам необходимо отметить только, какая роль в истории падения самостоятельности Новгородской державы сыграна была именно Северным краем и как в свою очередь отразился на его судьбах переход его в состав Московского государства.

Столкновения Великого Новгорода с „низовою" Русью начались с давнего времени и в этих столкновениях всегда не малое значение принадлежало стремлениям „низовых" князей оспорить у Новгорода его безраздельное господство в Северном крае и пользование экономическими выгодами, проистекавшими из этого господства. Низовые князья имели в этом соперничестве одно важное преимущество, которое они и пускали в ход, когда желали вынудить у Новгорода ту или иную уступку. Новгородская земля всегда нуждалась в подвозе хлеба из „низовой Руси", ибо по малоплодородию почвы в Озерном Крае—Новгород не мог прокормиться собственным хлебом. Стоило прекратить этот подвоз и Новгород попадал в критическое положение: нередко в новгородских летописях отмечаются тяжелые затруднения, которые приходилось испытывать новгородскому населению по той причине, что „жито не идяше не отколе же". Нет ничего удивительного поэтому, что Новгороду не раз приходилось поступаться своими интересами, чтобы удовлетворить притязания низовых князей. И все-таки он шел на подобные уступки лишь с большой постепенностью.

Началось с того, что Новгород должен был согласиться уделять низовым великим князьям часть той дани, которую он собирал с своих обширных Поморских владений. С 1233 г. Новгород начинает отсылать великим князьям „печорские

дани". Скоро, однако, обнаружилось, что истинное стремление низовых князей состояло в том, чтобы получить самим непосредственный доступ к эксплоатации заманчивых поморских промыслов. В. князь Андрей Александрович (1294—1304 гг.) заключил с Новгородом договор, по которому за этим князем было признано право посылать от себя ежегодно на Белое море три ватаги для ловли рыбы на великого князя, причем местные погосты обязаны были давать княжеским ватагам корм и подводы. Кроме того, князь посылал в Заволочье своих сокольников для ловли соколов и кречетов и местное население также должно было кормить их и давать им подводы. Еще одно важное условие стояло в этом договоре: ловля птиц (гагар) на Терском берегу признавалась правом великокняжеских слуг и новгородские промышленники не должны были ходить для этого промысла на Терскую сторону; при этом в договоре было прибавлено: „как пошло при моем отце и моем брате не ходить на Терскую сторону новгородцам, и ныне не ходить". Следовательно, еще со времени Александра Невского была установлена эта важная великокняжеская монополия.

В дальнейшем разнообразные колебания в ту или иную сторону во взаимных отношениях между Новгородом и великими князьями каждый раз тотчас отражались на об'еме прав в. князя по отношению к северным промыслам. Так, в начале XIV ст. Новгороду удалось несколько ограничить права князей в этом отношении. В многочисленных договорных грамотах, заключенных в начале XIV ст. между Новгородом и в. князем тверским Михайлом Ярославичем, говорится, что князь может посылать своих людей „за Волок" только в „двух насадах" и при том непременно из Новгорода, а не прямо из Низовой Руси, а в одной из этих грамот сказано даже, что князь должен при этом выбирать своих посланцев не из среды своих мужей, а непременно из среды новгородцев.

С 30-х годов XIV ст. начинается открытый напор Московских князей на Великий Новгород. И тут важная роль выпала на долю севера. Московские князья, желая подорвать силу Новгорода, то шли походом на Двинскую землю, то старались переманить двинян на свою сторону.

В 1337 г. Иван Калита послал рать на Двинскую землю. Но двиняне отразили войско московского князя. После этого Калита предпринял интересную попытку внести раздор в поморские области Великого Новгорода. Намеком на эту попытку являются две грамоты Калиты на Заволочье, в которых говорится об отделении Печорской стороны от власти Холмогорского посадника и бояр двинских.

Преемники Калиты пошли дальше по этому пути, замыслив оторвать от Новгорода и самое Подвинье. Эта попытка относится ко времени Василия I. Новгородцы отказались тогда уплачивать Москве „черный бор": дань, которую наложил на Новгород Дмитрий Донской после удачного похода на Новгородскую землю в 1396 году. Тогда войска Василия I захватили Торжок и раззорили некоторые новгородские волости. В уплату за это Новгород двинул свою рать из Заволжья, по Двине на великокняжеские владения по Югу, Сухоне и Шексне и подверг их опустошению. С этого времени Василий I стал питать замысел оторвать Подвинье от Новгорода. Он расчитывал при этом на шатание умов в среде так называемых „двинских бояр".

Выше было указано, какими обильными вотчинами владели в Заволочье крупные новгородские боярские фамилии и были приведены имена наиболее видных владельцев из этой среды. То были богатые и именитые новгородцы, не покидавшие Новгорода, где они играли важную роль в вечевом управлении и лишь время от времени об'езжавшие свои далекие заволоцкие владения.

Но в Двинской области образовалась многочисленная группа бояр-землевладельцев иного рода. То были выходцы из Новгорода, совсем поселившиеся в Двинской земле. Они то называются в источниках *двинскими боярами* в отличие от *бояр новгородских*, приобретших земли в Заволочье. Двинские бояре чувствовали себя крепко связанными с местными двинскими интересами. Новгород был для них не более, как далекой метрополией, которой они были обязаны подчинением, но с которой они не были уже соединены непосредственными узами. Новгород признавал этих бояр господствующим, правящим классом Двинской земли и свои правительственные распоряжения относительно этой земли обле-

кал в форму грамот на имя двинского посадника и бояр Двинских. На почве этой самостоятельности в среде двинских бояр стал укореняться свой местный двинской патриотизм, переходивший порою в стремление к сепаратизму, когда властная рука метрополии,—в особенности в деле взимания всякого рода обязательных сборов—начинала казаться им слишком тяжелой. На этих то особенностях общественного строя Двинской земли Василий I и строил свои расчеты. В 1397 году он послал на Двину своих бояр Андрея Албердовича „с товарищами" подговаривать двинских бояр отложиться от Новгорода и „задаться" за великого князя. Почва для пропаганды оказалась благоприятной. Враждебная Новгороду партия взяла на Двине верх, Двинская земля передалась московскому князю. Данные наших источников раз'ясняют причины этого успеха Москвы. Василий I отобрал у бояр, оставшихся верными Новгороду, их земли и пожаловал ими двинян, державших сторону Москвии. Затем Василий I дал Двинской земле уставную грамоту, по которой двиняне получили право безпошлинной торговли по всем владениям московского князя.

Но успех Василия был ненадежен. Новгород вскоре вооруженной рукой вернул себе двинскую землю и Василию I пришлось отказаться от Заволочья. Но московские князья не отказались от своей конечной цели порешить с самостоятельностью Новгорода и подчинить не только Двинскую землю, но и все владения Новгородской державы под свою высокую руку. И Василий I и Василий II пользуются затем всяким случаем, чтобы разжечь искры недовольствия против Новгородской власти, вспыхивавшие то на Двине, то среди Югры. Но уже при Василии II эта противновгородская пропаганда на Севере получает лишь побочное значение в процессе наступления Москвы на Новгород. Арена борьбы переносится окончательно в самую Новгородскую область. После победоносного похода воевод Василия II, князя Стриги и боярина Федора Басенка в глубь Новгородской земли Новгород принужден был согласиться не только на восстановление „черного бора" и других прежних даров в пользу великого князя, но и на зловещее для Новгородского народоправства новое постановление: не быть более *вечным*

грамотам. То было предвещание несомненного близкого падения политической самостоятельности Новгорода. Это падение совершилось, как известно, при Иване III на почве более широких политических комбинаций, нежели подстрекательство двинян и не замиренной еще Новгородом Югры к отложению от Новгорода.

С падением Новгородской державы все северное Заволочье и весь Поморский край вошли в состав Московского государства. Вместе с тем историческая роль Северного Края в судьбах русской земли стала еще шире и значительнее. Дальнейшим под'емом своего торговопромышленного развития этот край стал питать с тех пор не один только северо-западный угол русской земли, но и все то громадное государство, которое вобрало в свои пределы всю Великороссию, а затем переступило и далее за эти пределы.

IV.

Социальные перемены на Севере после включения его в состав Московского государства.

Переход Северного Края под власть Москвы сопровождался важной переменой в местном социальном строе. Эта перемена заключалась в разгроме боярского вотчинского землевладения, которое, как мы видели выше, играло такую важную роль в народно-хозяйственной жизни этого края в эпоху его принадлежности к Новгородской державе.

Московское правительство произвело обширные конфискации здешних „боярщин“ и если и не истребило совершенно крупного боярского землевладения, возникшего в новгородские времена, то все же оставило от него одни лишь разрозненные обломки. Значительная часть прежних боярских латифундий превратилась теперь в так называемые „черные земли“, принадлежавшие „великому государю и занимавшиеся крестьянами, частью сидевшими здесь и ранее, частью вновь прибывавшими в составе того нового колонизационного потока, который хлынул теперь сюда из соседних московских владений. Про этих крестьян говорилось, что они владеют своими деревнями и сидят на государевой земле, но на своих ржах и роспашах“.

Однако, за всем тем, в Северном крае не исчезло ни крупное частное землевладение, ни крупные частно владельческие промысловые хозяйства. Только теперь на смену разложившемуся крупному боярскому землевладению здесь возникло и развилось крупное землевладение *монастырское*.

И в предшествующие времена, в эпоху успехов новгородской колонизации в Северном Крае, монастыри множились здесь в довольно большом количестве и вносили свою долю в процесс промышленного оживления северных областей. Монастыри начинают возникать в различных пунктах северного края уже в XII ст. и ко времени падения Новгородской державы полоса монастырей новгородского происхождения раскидывалась здесь уже весьма широко. „На северо-западе она шла по системе Онежского озера; на восток и северо-восток от Новгорода она простиралась по Шексне и Белому озеру и севернее его, по системе Кубенского озера, по рекам Вологде, Сухоне, Северной Двине, по побережью Белого моря, гранича с местонахождением югорского народа“*). Но все это были небольшие монастыри, не отличавшиеся устойчивостью своего материального положения. Большею частью то были монастырьки с 2, 3, 5, 6 иноками, не развивавшиеся в крупные общины. Господин Великий Новгород не поддерживал своих монастырей, скупо давал им льготы и земли, а порою и лишал их земель и доходов, им принадлежавших. И потому эти монастырьки не могли опериться и получить сколько-нибудь видное значение в качестве факторов промышленной колонизации. Они походили на обыкновенные погосты с церковью и не могли ни в какой мере соперничать с боярскими вотчинами в качестве центров хозяйственной деятельности. Из них не вырабатывались больших хозяйственных предпринимательских общин. По своему внутреннему строю они принадлежали к монастырям особножительным: каждый член такой незначительной монастырской общины сам должен был добывать себе пропитание.

Затем, на исходе эпохи Новгородской самостоятельности картина монастырской жизни и монастырского хозяйства на

*) Н. Никольский—Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. С.-П.-Б 1897 г. Этим же исследованием пользуюсь я при дальнейшей характеристике северных монастырей—Новгородской эпохи.

русском Севере существенно изменяется, а с переходом Северного края под власть Москвы эта перемена достигает своего полного развития. Параллельно с размельчанием и ликвидацией крупных боярских вотчин в северных областях происходит быстрый рост земельных владений крупных монастырей, складывающихся теперь здесь по типу обширных хозяйственных предприятий. На исходе XV века на суровом острове Белого моря возникает знаменитый Соловецкий монастырь, который затем, в течение XVI ст., становится крупнейшим землевладельцем Северного Края. Приблизительно с того же времени другой знаменитый монастырь Кирилло-Белозерский—начинает распространять на области Северного Края широкую приобретательскую земельную политику. Два названные монастыря обнаруживают такую мощную энергию в этом отношении, что своими приобретательскими успехами оставляют далеко позади себя все другие монастыри, но все же они не были одинокими в процессе создания здесь крупного монастырского землевладения; и некоторые другие монастыри, например—Корельский и проч. вступают на тот же путь.

Монастырское землевладение распространяется здесь теми же способами, как это происходило и в других частях Московского Государства. Земельные приобретения монастырей умножились и фактической хозяйственной заимкой свободных пространств и многочисленными покупками и пожалованиями государей и доброхотными вкладами на помин души от жертвователей из самых различных классов общества.

Этот процесс всего явственнее выразился в истории роста земельных владений в Северном крае названных выше двух монастырей—Соловецкого и Кирилло-Белозерского.

Первую грамоту на земельные владения Соловецкий монастырь получил от Новгородских властей около 1450 г. Эта грамота закрепляла за монастырем пока лишь Соловецкие острова: „с землею и ловищами и тонями, пожнями и лешими озеры, земля им делати и пожне косити и лешие озера и тоне ловити добровольно“. Это пожалование было подтверждено уже московским великим князем жалованной грамотой 1479 г. Житие Соловецких чудотворцев в следующих выражениях описывает хозяйственную деятельность пер-

вых иноков, собравшихся на Соловецких островах: „землю копали и деревья на постройку монастыря готовили и воду из моря черпали и соль варили и продавали ее купцам и брали от них всякие орудия, потребные монастырю и в других работах трудились и рыбную ловлю творили и так от своих потов и трудов кормились". Среди этих „других работ", как видно из монастырских грамот, видную роль играла и ловля морского зверя, доставлявшего сало и кожу. Но хозяйство монастыря не долгое время было замкнуто в этих скромных первоначальных пределах. Прибывали новые иноки, братья разросталась в числе и для ее содержания требовалось расширить хозяйственные рессурсы. А кроме того, еще до падения Новгорода начался приток земельных вкладов в монастырь. И скоро обитель стала твердою ногою не только на островах, но и на материке.

Приток земельных вкладов открылся щедрыми пожертвованиями Марфы Посадницы по Поморскому и Корельскому берегам Белого моря. Ее примеру последовали и другие новгородские земледельцы. В собрании грамот Соловецкого монастыря сохранилось до 33 вкладных, относящихся к XV столетию и предоставлявших в собственность монастыря множество участков по Поморскому и Корельскому берегам, по р.р. Суме, Вирме, Выгу, Сороке, Шуе, Кеми. Принимая эти вклады, монастырь приступил и к округлению этих владений посредством купли: в XV веке им было куплено до 9 участков по р.р. Выгу, Шуе и Кеми и весь Лотошкин остров. Затем монастырские владения появились и на далеком Терском берегу. Еще в 1466 г. один землевладелец пожертвовал монастырю участки по р.р. Умбе и Варзуге. В 1470 году Марфа Борецкая подарила ему свою вотчину между теми же реками. За этими вкладами последовал ряд и других вкладов в этих местах и в 1491 году по р. Варзуге можно было уже образовать церковный приход и поставить монастырскую церковь. На всех этих вновь приобретаемых землях монастырь основывает одно за другим различные хозяйственные заведения, привлекает туда новых поселенцев, ставит свои монастырские дворы и для управления промыслами и угодьями посылает своих старцев-прикащиков.

С утверждением власти Москвы над Северным краем рост земельных владений Соловецкого монастыря получил новый сильный толчок. Широким потоком потекли в монастырь пожалования и вклады от московских государей и представителей различных слоев московского населения.

До половины XVI ст. монастырь получил от Ивана III, Василия III и Ивана IV ряд земельных пожалований по р.р Выгу и Суме, распространившие его владения от берега вглубь материка по течению названных рек. С этих пор каждое такое пожалование сопровождалось важной льготой: „наместники и волостели великокняжеские не должны были судить ни в чем, опричь разбоя и татьбы с поличным тех людей и крестьян, которые на пожалованных участках учнут жити", а „ведает и судит их тех своих людей и крестьян игумен с братьею".

Не все пожалования доставались монастырю безвозмездно. Так, в 1555 г. монастырю были пожалованы 33 соляных варницы по р.р. Суле и Колежне, по приморским наволокам и прибрежным островам. Эти варницы приносили казне около 19 рублей ежегодного дохода (т. е. около 1330 р.). Отказавшись в пользу монастыря от этого дохода, казна за то лишила монастырь прежнего права его на безпошлинную продажу 10,000 пудов монастырской соли в год.

Итак, к средине XVI ст. земельные владения Соловецкого монастыря широко раскинулись уже по западным и северо-западным берегам Белого моря. С средины XVI в. эти владения начали распространяться и по южному берегу Онежской губы, восточнее р Сумы по направлению к Онеге. В то же время расширение монастырской территории не переставало расти и в северо-западном направлении: они протягивались там все далее по Терскому берегу за р. Умбу и Варзугу и наконец монастырь освоил себе несколько участков и на дальнем Мурманском берегу в Кольской волости.

Продвижение монастырских владений по южному побережью Онежской губы, в насправлении от р. Сумы к реке Онеге, вызвано было тем, что первоначальные монастырские соляные варницы по Поморскому берегу стали пустеть по той причине, что леса около них были высечены и соль варить стало нечем. На этом основании монастырь в 1590 г.

бил челом царю о пожаловании ему *пустой* волости по р. Унежме. Эта волость была заселена новгородскими колонистами еще в начале XVI в. Но потом она запустела, может быть в связи с набегами сюда шведов. Теперь монастырь берет в свои руки заброшенные соляные промыслы этой волости и возобновляет дело, начатое первоначальными поселенцами.

Конец XVI и первые десятилетия XVII ст. ознаменованы настойчивым расширением владений Соловецкого монастыря по направлению к реке Онеге, вверх по течению Онеги до Турчасова и далее на восток за Онегу к Двине. В течение трех первых десятилетий XVII в. монастырь получает земли по восточному берегу Онежской губы и затем переваливает на западный берег Двинской губы, где осваивает Луду и в 1636 г. получает от царя Яренский погост со всем строением и живущими в нем бобыльскими и казачьими людьми с их дворами и со всеми угодьями.

Между тем, еще с конца XVI ст. владения монастыря появляются и на самой Двине. Здесь, в Двинском крае, также, как и на западе от Онеги, Соловецкий монастырь особенно устремляется на присвоение себе и на хозяйственную эксплоатацию промыслов, брошенных местными поселенцами. Вместе с тем Двина получила огромное значение в хозяйственной истории Соловецкого монастыря. Двина связала беломорскую промышленность монастыря с внутренними областями Московского государства. Ежегодно монастырь стал отправлять по Двине насады, нагруженные десятками тысяч пудов соли из монастырских варниц. Эта соль поставлялась в различные города, оттуда монастырские насады возвращались с огромными запасами хлеба и других продуктов, необходимых для братии и многочисленных слуг, работавших на землях монастыря.

Так к XVII ст. владения Соловецкого монастыря плотно охватили берега Белого моря с юга, запада и севера и во многих местах уходили далеко от побережья вглубь окрестных областей. Став крупным землевладельцем, Соловецкий монастырь сделался вместе с тем и крупным центром промышленности, более всего соляной и рыбной. Завязав на почве этой промышленности постоянные торговые сношения

с внутренними областями государства и, начав возить торговые грузы по Двине и другим рекам, Соловецкий монастырь в связи с потребностями этой торговой навигации, стал приобретать погосты далеко на юг от Беломорья. Так, например, в XVII ст. им был уже на верхней Двине, в пределах Устюжского уезда приобретен Красногорский погост, в котором монастырь устроил пристань с торгом и ярморкой и привлекавшей сюда массы народа чудотворной иконой. Во многих волостях и станах Устюжского уезда монастырь владел в XVII ст. деревнями и долями деревень. Так отдельные аванпосты промышленного влилния монастыря выдвинулись к этому времени уже далеко к югу от Беломорских берегов, на которых монастырь сосредоточил основу своих крупных владений.

На перерез территориальным успехам Соловецкого монастыря пошла приобретательская политика на Севере другого выдающегося монастыря: Кирилло-Белозерского. Возникнув на исходе XIV ст. вдали от Поморья, в области р. Шексны, этот монастырь до конца XV в. расширял свои земельные владения к югу по Шексне и юго-востоку по Вологде. Северная граница его владений не шла далее берегов Белоозера. Но с первой половины XVI в. монастырь обращает свою приобретательскую энергию на дальнее Поморье и сразу становится здесь соперником Соловецкого монастыря в отношении промышленноколонизаторской деятельности. Много раз этим двум монастырям приходилось сталкиваться друг с другом на этом поприще и так или иначе расграничивать свои территориальные успехи. В первой половине XVI ст. владения Кирилло-Белозерской обители появляются по р. Кеми, а затем и на Кольском полуострове по р.р. Умбе и Варзуге, т. е. как раз там, где Соловецкий монастырь получил те земельные вклады, с которых начался рост его территориальных владений. В это же приблизительно время Кирилло-Белозерский монастырь приобретает вотчины в окружности Каргополя и одно владение по реке Онеге.

Во второй половине XVI в. идет энергичное продвижение владений этого монастыря по р. Онеге и список монастырских приобретений за это время пестрит указани-

ями на вклады и купли монастыря в Турчасовской области, т. е. уже по среднему течению р. Онеги. И здесь Кирилло-Белозерский монастырь вплотную подошел к владениям монастыря Соловецкого и не раз между ними вспыхивали поземельные споры и тяжбы. В Турчасовской области Кирилло-Белозерский монастырь получал не мало добровольных земельных вкладов. В то же время он усиленно покупал участки с соляными промыслами на Поморском побережье. Для скупки таких участков монастырем командировались на Поморье особые доверенные лица.

Так, в 80-х годах XVI ст. монастырский слуга Фуников скупил целую вереницу промысловых участков с соляными варницами в Неноксе, по берегу Двинской губы. Побережье Двинской губы и преимущественно область Неноксы становятся с тех пор особенно притягательным пунктом для Кирилло-Белозерского монастыря; то и дело здесь появляются старцы, командированные монастырем, которые высматривают подходящие участки, обещающие промысловые выгоды и покупают их. То же наблюдается и в начале XVII ст. Не упускал из виду Кирилло-Белозерский монастырь и других местностей западного Поморья. Много владений было приобретено им в течение XVI ст. по Онежской губе в области Золотицы (северная часть восточного берега Онежской губы). В 70 г.г. XVI в. монастырь усиленно расширял свои владения по р. Умбе, в южной части Кольского полуострова.

Так, соляные многочисленные владения Кирилло-Белозерского монастыря в Северном крае сосредоточились в западном Поморье: в Каргопольском уезде и в Турчасовском стану (т. е. по всему почти течению р. Онеги), в Золотице (по Онежской губе), в Неноксе (по Двинской губе) и на далекой Умбе (на Кольском полуострове, близ губы Кандалашской). Таким образом, владения Кирилло-Белозерского монастыря со всех сторон вплотную охватывали кольцом вотчинную территорию его соперника, монастыря Соловецкого, и во многих местах врезались клиньями среди владений последнего, создавая пеструю чрезполосицу.

Громадное большинство своих земельных приобретений в Северном крае Кирилло-Белозерский монастырь совершил

посредством купли. Вклады жертвователей играли второстепенную роль. Из числа земельных приобретений за XVI в. и начало XVII ст. 74% приходится на долю приобретений посредством купчих крепостей. При этом монастырь не гнался за приобретением крупных округленных владений. Наиболее крупную покупку он совершил в 1568 году, купив у Василия Никитина варничные места в Золотице по р. Пушлахте за 800 рублей (около 56,000 р.). Но мелкие покупки решительно преобладали. Не более четырех раз он совершил купчие на сумму более 100 р. (7000 р.). Большинство же покупок заключено было на суммы менее 16 рублей (1120 р.) и в их числе встречаются такие миниатюрные приобретения, как покупка в 1571 г. в Золотице „подворной земли с огородцем капустным и хоромишком" всего за 15 алтын (35 р.).

Единовременным обширным приобретениям монастырь предпочитал терпеливое и настойчивое разыскивание участков мелких, но ценных в промысловых отношениях. Однако, такие участки приобретались по определенному обдуманному плану и постепенно они смыкались в той или иной излюбленной монастырем местности в сплошную цепь, а в общем итоге этой мозаичной приобретательской политики Кирилло-Белозерский монастырь стал в западной части Северного края сильным соперником Соловецкого монастыря в качестве крупного землевладельца с широко поставленными в его владениях промысловыми предприятиями.

Этими двумя крупнейшими представителями монастырского землевладения в Северном крае не исчерпывался круг монастырей, владевших здесь значительными вотчинами. В Каргопольском уезде богатейшим монастырем являлся Ошевенский Успенский на левом притоке Онеги, Чурьюге. Его владения сосредоточивались в пределах названного уезда. Второе место за ним занимал здесь монастырь Кожеозерский на берегу Кожеозера, в Турчасовском стану; кроме участков, рассыпанных по разным волостям этого стана, Кожеозерскому монастырю принадлежали рыбные промыслы в Керетской волости, на западном побережье Белого моря.

В Двинском уезде выдавался Антониев-Сийский монастырь, возникший в 20 годах XVI ст. на острове Михай-

лова озера, близ впадения в Двину р. Сии. Он являлся одним из богатейших монастырей той эпохи. Кроме многочисленных деревень в Двинском уезде, ему принадлежали приморские соляные промыслы в Неноксе и Уне, морские тони и рыбные ловли по р. Золотице, доля по р. Варзуге на Кольском полуострове.

Кроме того Антониев-Сийский монастырь не в пример своих собратий, о которых мы говорили выше, продвинул аванпост своих приобретений и далеко к востоку от Подвинья: в Мезенском уезде, при устье р. Кулоя, ему принадлежала слобода Долгая Щель.

Восточнее Двины, по Мезени, Печере и средней Вычегде, в области Яренского уезда, значительных монастырей не было, там возникали лишь небольшие пустыни. По нижней Вычегде в уезде Сольвычегодском встречаем два крупных монастыря, разбогатевших при помощи обильных пожертвований от Строгановых: Николо-Коряжемский и Введенский. Ряд крупных монастырей образовался в Устюгском уезде и, наконец, колоссальных размеров достигли владения монастырей в Вятской и Пермской землях. Впрочем их рост приходится всецело уже на XVII ст. На первом месте в отношении обширности владений надлежит здесь поставить для Вятской земли Успенский Трифонов монастырь, основанный в 1580 году, по почину вятского земского мира и для Пермской земли—Пыскорский монастырь в Соликамском уезде, основанный Строгановыми в 1558—60 годах. Этот монастырь получил от своих основателей обширнейшие земли по р. Каме, составившие одно сплошное громадное владение.

Не входя в дальнейшие подробности по истории возникновения в Северном крае крупного монастырского землевладения, упомянем еще о том, что и на самой дальней северо-западной окраине Поморья, на Кольском полуострове видная роль в промышленно-колонизационном движении, начиная с XVI века, достается на долю монастырей. В 1533 г. на Мурманском берегу, на р. Печенге возник Печенгский монастырь, основанный преподобн. Трифоном. В 1590 году монастырь был сожжен норвежцами и в 1606 году был восстановлен уже у самого г. Колы, а на старом пепелище, на Печенге, сооружены были две часовни „для лопского кре-

щения и веры православной", т. е. для распространения христианства среди лопарей. По писцовой книге 1608 года видно, что владения монастыря достигали значительных размеров. Ему принадлежали рыбные ловли по Мурманскому берегу к востоку и западу от Колы, соляная варница в Кольской губе, часть рыбных ловель по р.р. Коле и Куломе (другою частью их владел Кольский посад), вся река Печенга с ее притоками и близ лежащими озерами, рыбные ловли в Печенгской губе и два острова против устья Печенги, на которых монастырь содержал оленьи стада.

С таким же характером рыбопромышленного предприятия возник другой монастырь, уже в южной части Кольского полуострова при Верховьи Кандалашской губы. Писцовая книга 1608 года рисует состав владений этого монастыря в виде совокупности мельниц, пожень, соляных варниц, тоней и других тому подобных угодий, „что старцы покупали промеж Кандалашские волости крестьян, а иные им даваны по душам".

Приведенных данных, полагаем, достаточно, чтобы убедиться в том, какую видную роль с конца XV-го и начала XVI ст. начинают играть в народном хозяйстве Северного Края монастыри, пришедшие здесь в качестве крупных земельных собственников на смену крупным землевладельцам—боярам новгородской эпохи. С тех пор монастыри в сильной степени задают тон промышленной деятельности в этом крае и способствуют ее оживлению и развитию. А. Я. Ефименко правильно заметила, что с этого времени на севере „почти нельзя натолкнуться ни на одно сколько-нибудь значительное промысловое угодье, тоню, варницу, где бы львиная доля не принадлежала монастырям местным или центральным".

За вычетом крупных монастырских владений остальная территория Северного края в эпоху Московского государства почти сплошь была занята так называемыми „черными" т. е. государственными землями, на которых сидело свободное тяглое крестьянство. Резкое исключение представлял лишь Соликамский уезд, где простирались огромные вотчины Строгановых, на которых не только не распространился кризис частного землевладения, принесенный водворением в Северном крае Московской власти, но которое, наоборот, при

московских государях приумножают в величайшей степени свои земельные богатства и становятся из ряду вон выходящими по размерам своих владений магнатами Пермского Края. Влияние тех же Строгановых, хотя уже и в гораздо меньшей степени, сказывалось и в Сольвычегодском уезде; а затем лишь очень небольшое количество частновладельческих вотчин находим в XVII в. в уездах Устюжском, Тотемском, Чердынском и в Заонежье и совсем ничтожное количество—в Вятской земле. В уездах Каргопольском, Кольском, Двинском, Мезенском и на Чаронде частновладельческие вотчины в XVII ст. блистали уже полным отсутствием. Здесь установилось истинное царство государственного „черного" землевладения, царство свободных, тяглых крестьян, сидевших на государевой земле В таких областях, где монастырское и церковное земледелие не сделало никаких успехов, как, например, в Мезенском уезде, все земли вошли в разряд „черных". В остальных уездах Северного края дворы на черных землях составляли по разным местностям от 99 до 75% всего количества дворов.

Среди этого необ'ятного моря „черных" земель и монастырских, и церковных вотчин редкими точками были рассеяны крайне немногочисленные города Северного края. На весь этот громадный край приходилось всего менее 30 посадов. Заонежские погосты и весь Мезенский уезд совсем не имели городов (город Мезень возник уже в XVIII ст. из соединения двух слобод—Окладниково и Кузнецовой). На пространстве Кольского и Каргопольского уездов было всего три посада: Кола, Каргополь, Турчасов. На громадной территории уездов Кеврольского и Яренского—также только три посада: Кевроль, Яренск и Турья. Всего более городов находим в Двинском уезде: то были—Архангельск, Холмогоры, Уна, Ненокса, Луда, Кулуй; и в Вятской земле—Хлынов, Орлов, Котельнич, Слободской, Шестаков..

Все посады Северного Края в XVI—XVII ст. отличались малонаселенностью. Только в Устюге Великом к концу XVII столетия было более 1000 дворов. Лишь в 10 посадах число дворов к тому же времени заходило за сотню. И на ряду с этим встречаем посады с двумя—тремя

десятками дворов, как Уна, Луда, Яренск. В Кевроле по переписи 1678 года было всего 18 дворов, в Колуе—11.

По данным, относящимся к первой половине XVII ст., посады Северного Края можно расположить приблизительно в следующем порядке по линии постепенного уменьшения числа посадских дворов:

1. Устюг Великий.
2. Хлынов.
3. Каргополь.
4. Холмогоры.
5. Соликамск.
6. Сольвычегодск.
7. Тотьма.
8. Олонец.
9. Чердынь.
10. Кайгород.
11. Слободской.
12. Архангельск.
13. Пенокса.
14. Орлов.
15. Чаронда.
16. Пустозерск.
17. Турчасов.
18. Кола.
19. Яренск.
20. Турья.
21. Кулуй.
22. Шестаков.
23. Котельнич.
24. Уна.
25. Кеврола.
26. Луда.

Есть данные, указывающие на те изменения, которые произошли в количестве посадского населения большей части этих городов к концу 70-х годов XVII ст. Из 19 посадов, о которых имеется материал такого рода, в 12 произошло увеличение и в 7—уменьшение количества посадских дворов. Врочем почти все эти изменения в ту и другую сторону очень незначительны. Уменьшилось число дворов в Сольвычегодске на 88, в Орлове на 51, в Соликамске на 26, в Яренске на 18, в Кулуе на 17.

Увеличилось в Устюге В. на 224 (913 пос. дв., да еще 66 церковных), в Слободском на 221, в Чердыни на 104, в Тотьме на 88, в Хнылове на 52, в Холмогорах и Луде на 27, в Уне на 22, в Котельниче на 18.

Остальные случаи изменений не стоит и отмечать, так они незначительны.

Таков был социальный склад Северного края после тех перемен, которые произошли в нем вслед за падением Новгородской державы. Посмотрим теперь, какую роль играл этот край в народно-хозяйственной жизни Московского государства.

V.

Роль Севера в экономической жизни Московского государства.

С подчинением Северного края под власть Москвы в состав Московского государства вошла обширная область с кипучею промышленною деятельностью. В этом и заключалось важное жизненное значение Северного края в общем складе хозяйственного развития Московского государства. К московскому преимущественно земледельческому в то время югу этот чисто торговопромышленный район послужил необходимым дополнением. Занимались земледелием и в Северном крае. Но здесь оно служило в большинстве случаев лишь второстепенным подспорьем народному хозяйству: слишком малоурожайна была здесь земля, слишком неблагодарен был земледельческий труд. Основа хозяйственной деятельности заключалась здесь в разработке промыслов, главным нервом которой являлись добыча рыбы, соли и пушнины.

При обозрении владений крупных монастырей в западной части Поморья мы отмечали, какое важное место занимали рыбные ловли и выварка соли в монастырском хозяйстве. Столь же большое значение имели там промыслы китовый, тюлений и моржовый. Что касается добычи пушнины, то и этот промысел продолжался в Подвинье, но во времена Московского государства он здесь уже не стоял на первой ступени развития вследствие уменьшения в этом крае наиболее ценного зверя—соболя, а также и вследствие открытия нового источника ценных мехов во вновь присоединенных к Московскому государству Сибирских владениях. Правда, еще во время Василия III водились на Двине соболи, но они были там уже редкостью. За то соболиный промысел по прежнему составлял заманчивую принадлежность Печорского края.

Выше не раз было отмечено, что часть Поморья, лежавшая к востоку от Двинского края, туго поддавалась обрусению и промышленная колонизация просачивалась сюда гораздо медленнее, нежели в западные области Севера. За то пушной зверь не в такой степени был здесь распуган промышленниками и Печорские леса в изобилии поставляли

собольи меха и при московских государях. Как еще не пустынен был тогда Печорский край, но промышленное движение проникало сюда и на р. Печоре мы находим две довольно крупные торгово-промышленные пристани: Пустозерск и Усть-Цыльму. В начале XVII ст. в Пустозерске было до 200 домов и 3 церкви, а в Усть-Цыльме до 40 домов. К Пустозерску каждую зиму подкочевывало до 2—3 тысяч самоедов с оленями, пушным товаром и „рыбьим зубом“ (т. е. моржевым). Чрез Пустозерск проезжали направлявшиеся к океану двинские, мезенские и кулойские промышленники. Пустозерск являлся станцией на торговом пути по морским берегам из европейского Поморья в Сибирь, к устью Оби, куда русские торговые люди ездили этим путем ежегодно. Одна грамота XVII стол. очень образно определяла Пустозерск, как „место пустое, постановленное для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торговать“. Усть-Цыльма также обязана была своим развитием торговым связям Поморья с Сибирью: через нее проходил торговый путь от Сев. Двины Пинегою в Кулой, в Мезень, Пезу, Цыльму, Печору, Усу и Обь.

Рыбный, соляной, пушной промыслы и добыча *морских зверей* занимали первенствующее место в северо-русской промышленности, но ими еще не исчерпывалось содержание промысловой деятельности этого края. В XVII ст. на Кольском полуострове в Керетской волости завелось добывание *слюды*. Соловецкий монастырь ежегодно отправлял в казну около 1500 пудов слюды. С Двинской земли, с берегов р.р. Варзуги и Поноя получался так называемый новгородский *жемчуг*. В 1491 году на р. Цыльме нашли *руду серебряную и медную*. Эта находка была сделана в урочище Коссме, в 300 верстах от р. Печоры. Во многих местностях Устьсысольского уезда по р. Сысоле, в Яренском уезде и по р. Мезени было найдено *железо*. На р. Соплясе (приток Печоры), на Брусяной горе и в Устьсысольском уезде —по р. Неме (левый приток верхней Вычегды), в 123 верстах от ее впадения в Вычегду шла разработка *точильного камня*.

Промышленное оживление, охватывавшее Северный край в течение XVI и XVII в. в., тогда же привело к тому, что

отдельные части этого края стали сцепляться в единый народно-хозяйственный организм. Внутри края шло уже оживленное и деятельное торговое общение, выражавшееся в возникновении и развитии ярмарок, из которых некоторые получили значение об'единительных центров для всего края в экономическом отношении.

Близ устья р. Мезени, в местечке Лампожне в XVI веке существовала ярмарка, около 1600 года перешедшая в Окладникову слободу (будущий город Мезень). Эта ярмарка служила важным пунктом экономического сцепления восточного Поморья с Западным. Ярмарка действовала два раза в год. Сюда прибывали из Печорской тундры самоеды с пушниной и „рыбьим" (моржевым зубом). Сюда наезжала с мехами и серебром Югра и сибирские инородцы и сюда же являлись купцы с западного Поморья для вымена этих мехов на произведения своих промыслов и на товары, привозившиеся на север из центральной Руси. Лампожня со своей ярмаркой служила главным пунктом меновой торговли мехами с самоедами и Югрой. Вымененные здесь меха поморские купцы везли на большую ярмарку в Холмогоры к зимнему Николину дню.

Холмогоры имели громадное значение, во первых, об'единительного экономического центра для всего Севера,— здесь был центральный узел почти всех торговых путей в северной окраине Московского государства,—и, во вторых, соединительного звена между промышленностью Севера и центральными областями государства. На холмогорскую ярмарку свозились все товары, какими промышлял Северный край: соль, рыба, меха, кожи, ворвань, моржовая кость, ловчие птицы, дичь, перья, пух и сюда же привозились с юга для обмена на все эти произведения товары, в которых нуждалось население Северного края, прежде всего—хлеб и сукна. От Холмогор шел самый главный, так сказать, становой путь, сцеплявший Север с московским центром; то был речной путь по Двине. Кроме дороги по Выгу в Обонежье и в Приладожье и дороги по Онеге в Каргополь, из всего Поморья не было иного пути на юг, как чрез Двинское устье. *) Холмогорская ярмарка и служила цен-

*) С. Ф. Платонов. „Очерки по истории Смуты в Московском государстве". См. характеристика Поморья в гл. I.

тральным Северным торжищем, которым регулировалось торговое движение по Двине и которое само питалось этим движением. Впрочем, крупные монастыри и помимо этой ярмарки, непосредственно вели деятельные торговые сношения с внутренними областями Московского государства, снабжая их по преимуществу главным продуктом своей хозяйственной деятельности—солью. По Двине установились правильные, постоянные рейсы монастырских „насадов" с соляными грузами. Соловецкий монастырь являлся крупнейшим поставщиком соли на внутренние рынки Московского государства. В средине XVI ст. он продавал в Вологде и других городах 6000 пуд. соли из своих варниц. В половине XVII столетия он продавал ее уже 130.000 пудов. На вырученные за соль деньги монастырь покупал в конце XVII ст. ежегодно до 20 пуд. воска и до 8000 четвертей ржи на монастырский обиход, содержал братию, слуг и крестьян, работавших на его землях, содержал более 1000 ратных людей в Соловецкой крепости, которую монастырь в 1579 году соорудил на свои средства для военной обороны Беломорья, и выплачивал в казну со своих вотчин, рыбных ловель и других угодий до 4000 р. (68.000 р) оброка и других царских сборов. Кроме всего этого в критические моменты монастырь приходил еще с экстренною помощью государевой казне, пользуясь для этого своими скопленными запасными фондами. Так, однажды, при царе Алексее Михайловиче он выслал в Москву на жалование ратным людям—41,414 рублей и 200 золотых.

В таком же направлении работали и другие крупные монастыри Севера. Так, в 20-х годах XVII столетия в складах Антонова-Сийского монастыря на Вологде лежало 14000 пудов соли, да на Холмогорах—10.000 пудов. Ежегодно Антониев-Сийский монастырь пускал по Двине два дощаника с солью вместимостью в 8000 пудов каждый.

Вот—факты, показывающие, какое важное экономическое значение получил Север для Московского государства, благодаря тому, что энергичная предприимчивость местных общественных сил умело и деятельно извлекала из под-спуда таившиеся в этом крае естественные богатства.

*
* *

Сказанным выше не ограничивалось значение Северного края в экономической жизни Московского государства. Значение это в высшей степени усугублялось еще тем обстоятельством, что морские и речные пути этого края соединяли Московское государство непосредственною связью с торговым движением Западной Европы. Здесь впервые было прорублено „окно в Европу", которое впоследствии Петр Великий перенес на устье Невы.

Общеизвестно, что в 1552 году английская „кампания" Мистерия, — основанная знаменитым Каботом, снарядила экспедицию из трех кораблей в надежде открыть новый путь в Китай и Индию чрез северные моря старого полушария с целью подорвать монополию Португалии и Испании во всемирной торговле. Два корабля погибли осенью 1553 г., затертые льдом. Третий корабль, руководимый Ченслером, в августе 1553 года попал к устью Двины и, таким образом, Ченслер неожиданно для самого себя вновь открыл морской путь в древнюю „Биармию", которым еще в IX ст. пользовались норвежцы. Это „открытие" послужило началом русско-английской торговли через Сев. Двину, Белое море и Ледовитый океан. Ченслер побывал в Москве, получил от Ивана IV грамоту для своей „кампании" на безпошлинную торговлю оптом и в розницу и с тех пор ежегодно к устью Двины стал являться большой поезд английских кораблей с товарным грузом. В 1567 году Иван IV предоставил английской „кампании" новые важные привиллегии. „Кампания" получила монопольное право на торговые операции в Холмогорах и вообще по Двине, а также и по Мезени, Печоре и Оби. Не говоря уже о торговых кораблях других наций, даже и английским кораблям, не принадлежащим к „кампании", воспрещалось приставать к русским берегам в указанных пределах. Кампания не замедлила пожать плоды такой удачи. Англичане быстро захватили важнейшие места, могущие служить опорными пунктами для развития торговых операций в России. В 1567 году они основали в Москве свою главную контору, а в Холмогорах открыли прядильную фабрику. В Новгороде, Пскове, Ярославле, Казани, Астрахани, Костроме появились их торговые подворья.

Эти то монопольные ограничения в пользу англичан косвенно дали толчек развитию внешнего торга на северо-западной окраине Поморья: по устьям Печенги и Колы, где по мимо англичан и другие торговые нации тогдашней Европы могли принимать тогда участие в выгодах от торговых сношений с Россией по северному морскому пути.

Этот окраинный северо-западный угол русского Поморья начал оживляться с 50 годов XVI в. в связи с основанием при устье р. Печенги Печенгского монастыря, построенного преподобным Трифоном. В 1556 году монастырь получил от Ивана Грозного грамоту на все побережье Студеного моря от Варенгской губы до Кольской. Утвердив таким образом точку опоры для своей хозяйственной деятельности, иноки Печенгского монастыря с конца 50-х годов XVI столетия стали заезжать в соседний норвежский городок Варгав (Варде) и продавать там рыбу, рыбий жир и другие зверо-промышленные продукты. В 1564 году голландцы основывают по образцу английской „московской кампании" особую кампанию для торговли с русским Поморьем и в 1565 году в Печенгскую губу прибыл первый голландский корабль и закупил у монастыря годовой улов семги и другой рыбы, ворвань и прочие товары. Осенью того же года сюда явились еще два голландских корабля с товарами и на этот раз голландцы под'ехали также и к Коле. Немногочисленные жители Колы, очевидно, в первый раз увидели большой морской корабль, ибо появление его повергло их в панический страх: все они убежали в лес и прятались там в течение нескольких дней. Разумеется это обстоятельство не помешало голландцам завязать правильные торговые сношения и с Печенгой и с Колой.

Весть об открытии нового рынка на этих берегах быстро распространилась в русском торговом мире. В 60-ти годах XVI века туда стали приезжать с товарами купцы из Холмогор, из Каргополя и даже из Шуи. „Монастырь и вся торговля в Лопландии стала после того с каждым годом больше и больше разрастаться"—говорит один иностранный участник этой торговли.

Англичане встревожились тем, что Кольская торговля открыла для голландцев возможность обходным путем выдвинуть конкурренцию тем монопольным торговым выгодам, которые англичане обезпечили себе после приезда Ченслера к устью Двины. Они поспешили выхлопотать себе право торговли и в Коле (в 1568 г.), однако исключительных монополий они здесь не получили. За то и попытка голландской кампании пробиться из Колы через Кондалакшу и Каргополь в Москву и установить непосредственные связи с московским рынком потерпела неудачу вследствие интриг англичан. Тем не менее Кольская торговля стала привлекать к себе товары не только из соседних местностей Поморья, но также и из внутренних областей Московского государства. Сюда свозились, кроме продуктов мурманских морских промыслов, хлеб, крупы и другие продукты из средней России и даже с нижней Волги: клей, масло коровье, масло семенное, ластицы телячьи. Конечно, в изобилии свозятся сюда и меха и опять таки не только местные, лапландские, но и дальние, например привозные соболи с Печоры и из Перми, горностаи, выдры, бобры, шкуры волчьи и куньи. Эта торговля была далеко не безвыгодна для русских купцов. Есть данные о том, что соболи давали русским купцам около 150% барыша, гречневая крупа—32%, семенное масло—191%.

Главным предметом иностранного ввоза явилось сукно, затем—пряности, медь и олово.

В 80-ых годах XVI стол. вся эта Кольская торговля была убита возникновением Архангельска (1583 г.). В 1585 г. Кольский воевода уже об'явил иностранным купцам, что государь его «Федор Иванович... в своей государевой вотчине, в Коле волости, торговати велел трескою и палтусом и салом трескиным и китовым, а за иными товарами ездить надо на Двину, где государем построен новый город». На повторные запросы последовал оттуда ответ с новой ссылкой на основание Архангельска и с указанием на то, что в Коле „торгу быть не пригоже, то место убогое". *)

*) Тищенко—«К истории Колы и Печенги». Журнал Министр. Народн. Просвещ. 1913 г. кн. VII.

С этих пор Архангельск становится первенствующим, центральным пунктом торгового движения на Севере, постепенно заслоняя собою значение Холмогор. Кольская торговля утратила для русских купцов прежнюю притягательность после того, как и на Двине были уничтожены исключительные монопольные права англичан и на ряду с англичанами в Архангельск стали также наезжать с товарами и датчане, и антверпенцы, и французы, и голландцы.

С развитием Архангельского порта Двина закипела торговым движением, достигшим размеров, которые превзошли все то, что наблюдалось в предшествующие времена. У нас нет недостатка в известиях о том, какую широкую сферу влияния получил вскоре Архангельский порт на всю торговую жизнь Московского государства. Достаточно взглянуть хотя бы на следующую страничку из описания путешествия в «Московию» Мейерберга в XVII ст., чтобы убедиться в этом: „Северная Двина совсем завалена торговыми грузами, везут то выделанные воловьи кожи, то следующие еще к выделке лосиные, то коноплю и смолу, то льняное семя и сало, то воск, то приготовленную на Волге белужью, осетровую и других рыб икру, то липовую, ясеневую, вязовую и ивовую очищенную золу для суконного и мыловарного дела, то медвежьи, волчьи, лисьи, бельи, рысьи, хорьковые, куньи, собольи и другие меха; все для англичан и голландцев, приезжающих каждый год туда морем в известную пору лета. Они берут все эти вещи, да еще слюду, добываемую из гор на берегах Двины и вытопленное из тюленьего жира масло и, либо уговорившись сначала об обмене на свои товары, либо тут же сторговавшись в цене, отдают за то привезенные по Средиземному морю и океану: сахар, шафран, соленые сельди, мальвазию, испанские и французские вина, сукна разного рода и цвета, голландское полотно, зеркала, ножи, сабли, пистолеты, ружья, пушки, медь, свинец, олово, шелковые ткани, атлас, аксамит, камку, об'ярь, золотой и серебряный алтабас, полотняные, бумажные и шелковые чулки, пряденое золото, жемчуг, перлы, рубины, смарагд, сапфиры, хризолиты, аметисты, топазы, наконец огромное количество золотых и серебрянных денег. Все это отвозилось вверх по реке, к г. Вологде, а потом по зимней дороге в Москву в продолжение восьми дней пути".

В XVII ст. Архангельск становится самым оживленным пограничным русским торговым городом. По словам Олеария туда ежегодно приезжает много английских, голландских и гамбургских торговых судов и много русских купцов со всей России. По свидетельству Родеса во время архангельской ярмарки в самой Москве ослабевала торговая жизнь: так много торгового люда выезжало оттуда в Архангельск. Высылала в Архангельск свои товары и казна. Коллинс сообщает, что «царь ежегодно отправляет в Архангельск огромное количество мехов, мыла, пеньки, льна и меняет их там на шелковые ткани, бархаты, парчи, атласы, сукна». По указанию Родеса государева казна в средине XVII века посылала в Архангельск на 10—20 тысяч рублей (170—340 тысяч рублей).

Торговля астраханской *икрой* составляла монополию казны и приставленные к этой торговле „гости",—так назывались в московском государстве крупнейшие капиталисты, в виде обязательной служебной повинности заведывавшие торговыми операциями казны,—совершали выгодные обороты этим товаром в Архангельске Так, например, в 1623—1624 г.г. гость Надея Светешников покупал икру в Астрахани на 24,000 (336,000 р.) и продавал ее в Архангельске иноземцам, выручив за нее в два года 28,000 р. (392,000 р.). С 1625 года тот же гость подрядился в г. Архангельске с иноземцами ставить им астраханскую икру в течение шести лет и «у того икреного промыслу—читаем в одном документе—великому государю его Надееным промыслом и радением в те шесть лет прибыль будет многая». По свидетельству Родеса из Архангельска ежегодно вывозилось 20,000 п. икры на сумму 30,000 р. (510,000 руб.).*)

Мехов из Архангельска вывозилось ежегодно на 100,000 р. (1.700,000 р.). Из многих местностей России в Архангельск свозились *юфти*. По Родесу через Архангельск прошло в один год юфти на 335,000 р. (5.695,000 р.). *Пенька* шла к Архангельску преимущественно из областей Новгорода и Пскова. Ее было так много, что англичане решили завести в самой России ее обработку. В Вологде ими была устроена канатная фабрика; затем такая же фабрика появилась и в Холмогорах, где ежегодно переделывалось более 90,000 фунтов пеньки, ибо везти в Англию сырую пеньку было дорого.

*) Курц. „Сочинение Кильбургена о русской торговле" Киев. 1915 г.

Охотно употреблялся в Англии и Голландии русский *поташ*, который шел там на приготовление сукна, мыла и стекла и для выделки кож. В 1669 году его было вывезено через Архангельск более 26 тысяч пудов. Он доставлялся туда из различных местностей. Всего чаще в документах по Архангельску упоминается поташ из Сергача (Нижегородской области). Деятельная выработка его шла по р. Суре в Василегородском уезде. Обильную статью торгового вывоза составляли *смола* и *деготь*. Еще от XVI в. имеем свидетельства иностранцев о том, что вся смола, получаемая в Европе, шла туда из Московских владений. В Англии славились смоляные бочки, которые делались по берегу С. Двины, южнее Холмогор и там же засмаливались. Дегтя много гналось в Смоленской области и оттуда он в большем количестве вывозился за границу.

Из Торжка и Козельска шли преимущественно *войлочные изделия*—плащи и накидки. *Сала* вывозилось через Архангельск до 115.080 пудов в год и шло оно всего более из областей Смоленской, Ярославской, Углицкой, Новгородской, Тверской, Городецкой. *Мыло* было вологодское, борисо-глебское, нижегородское и особенно костромское; последнее считалось лучшим и спрос на него был громадный по всей России. *Воловьи кожи* доставлялись со всей страны. *Слюда* вывозилась из Архангельска в количестве 250 пуд. в год. Она добывалась на Севере России и лучшая была на Соловках и в Сибири, около р. Витимы. *Рыбий клей* (карлук) шел с Волги.

Вывоз хлеба при высоких ценах составлял 200.000 четвертей. *Шпик* (копченая свинина) и мясо доставлялось со всей России в Вологду, где их солили и отправляли в Архангельск. Копченая свинина в наибольшем количестве доставлялась из Казанской и Нижегородской областей.

Полное изображение Архангельского рынка не входит в задачу настоящего очерка и приведенными выше некоторыми указаниями мы хотели только более наглядно подчеркнуть, сколь важное *всероссийское* значение получил Архангельский порт в XVII ст. Район его притяжения по отношению к русской торговле того времени раскидывался действительно на все Московское государство, касаясь и цен-

тральных областей его и нижнего Поволжья до далекой Астрахани включительно и западного района и Сибири. Можно сказать, без всякого опасения впасть в преувеличение, что в это время именно там, на севере, помещался главный двигательный рычаг торговой и вообще экономической жизни России.

В XVII ст. окончательно определяется и утверждается и еще одна характерная особенность, отличавшая роль Северного края в экономической жизни России. Мы разумеем особенно тесные торговые связи, установившиеся между Северным краем и Сибирью.

Возникновение этих связей относится еще к предшествующему периоду, когда Северный край входил в состав Новгородской державы. Мы видели выше, что еще в те времена на европейское поморье вплоть до Холмогор проникали некоторые сибирские товары и что предприимчивые новгородские промышленники заезжали во время своих военно-торговых экспедиций за Урал, к берегам Оби.

С утверждением в Сибири московской власти эти связи не только не разрушились, но, наоборот, стали более непосредственными, тесными и богатыми экономическими результатами. В прямой зависимости от этого на севере на ряду с Холмогорами и Архангельском в XVII ст. выростает значение Устюга Великого. Именно в Устюге от Двинского торгового пути ответвлялась главная дорога в Сибирь, которой в XVI—XVII в. в. пользовались и Московское правительство и частные лица. Эта дорога шла по р. р. Югу и Лузе через Лальский городок на Каму, в Пермскую землю, в Кайгород, Соликамск и Чердынь. Впоследствии этот старый путь в Сибирь был заменен более коротким: от Соликамска прямо на Верхотурье, минуя Чердынь. Нахождение Устюга на соединительном узле этих двух важных путей: на Архангельск и в Сибирь выдвинуло Устюг в первый ряд крупных торговопромышленных центров того времени. В начале XVII ст. в нем насчитывалось до 200 лавок и амбаров, большой гостинный двор, до 700 тяглых и около 100 нетяглых дворов, большое количество ремесленников и судовых рабочих *).

*) Платонов. loc cit.

Не малая доля этого оживленного под'ема Устюжского посада должна быть отнесена именно на счет его связей с Сибирью. В составе устюжского купечества было не мало купцов, которые были заняты исключительно сибирским торгом. Писцовая книга Устюга говорит о них, что они „торгуют от'езжими товарами в Сибирь", „отпущают со всякими товары в Сибирь". С другой стороны и сибирские купцы со своими товарами ехали прежде всего в Устюг. В сентябре и октябре здесь ежегодно происходил бойкий торг мехами, в котором деятельное участие принимали купцы из Сибири и Пермского края, привозившие сюда пушные товары.

Эта торговая связь Севера с Сибирью не ослабела и после того, как с возникновением Петербурга общее направление торгового движения обратилось в сторону Балтийского моря и двинской путь утратил прежнее значение. В то время, как продукты из внутренней России стали в XVII ст. направляться при посредстве Москвы к Петербургскому порту, сибирские транспорты долго еще по прежнему шли через верхнее Прикамье в северо-западном направлении через Устюг и конечным пунктом этого движения был Архангельск. Архангельские, устюжские, вологодские купцы и в XVIII ст. остаются постоянными посетителями Ирбитской ярмарки и проникают вглубь Сибири до самой Кяхты и через Кяхту ведут торговые сношения с Китаем.

Таково было троякое значение Севера в экономической жизни Московского государства. Север изобильно снабжал внутренние области государства продуктами своей местной промышленности, среди которых наиболее важное место принадлежало рыбе (особенно семге), соли, салу и кожам морских зверей и мехам; на Севере сосредоточивалась почти вся внешняя торговля государства; Север служил главным соединительным звеном между европейской Россией и Сибирью в торговом отношении.

VI.

Политическая роль Севера в эпоху Московского государства. Север в смутное время.

Оживленная торгово-промышленная деятельность, наполнявшая в XVI—XVII ст. жизнь значительной части Северного края, не могла не отразиться на характере и на всем жизненном обиходе местного населения. И на посадах и в уездных волостях здесь сложились крепкие местные „миры", которые обнаружили способность к сплоченной самостоятельности и бодрой хозяйственной предприимчивости. Последовательными приливами направлявшегося сюда колонизационного движения сначала из Новгородской области, затем из внутренних частей Московского государства—здесь сложилось население своеобразного типа, в котором совместились самостоятельная уверенность, унаследованная от древней Новгородской вольности, с настойчивой выносливостью, выработанной в суровых условиях московского государственного строя. Черты того и иного порядка, сливаясь друг с другом и дополняя друг друга, как нельзя лучше вооружали это население для борьбы и с суровостью местного климата, и с тяжелой природной обстановкой, в которой приходилось вести разработку местных естественных богатств и с необходимостью отваживаться на смелые и порою рискованные предприятия для дальнейшего освоения тех областей Поморья, которые еще сохраняли от прежних времен черты первоначальной дикости: таково было восточное Поморье, по Печере и за Печерой до Урала. Все это вырабатывало из местного жителя тип предприимчивого промышленника—пионера со всеми особенностями, свойственными этому типу: хозяйственной энергией и трезвым практическим расчетом без тех неврастенических скачков от внезапных приливов деятельности к столь же внезапному упадку сил, которые свойственны тем, кому нечего созидать и нечего беречь и жалеть.

Исторические условия сложились так, что население Северного края и после того, как оно вошло в состав Московского государства, не подверглось действию некоторых таких особенностей московских порядков, которые могли бы

понизить и ослабить его духовную самостоятельность. История оберегла Северный край от крепостного права. Сюда, за самыми малыми исключениями, касавшимися южных частей этого края, не проникло служилое поместное землевладение. Север был и остался классическим районом свободного, черносошного крестьянства. Это обстоятельство также имело важные благоприятные последствия. Не зная цепей крепостной зависимости, местное население тем свободнее вырабатывало в себе дух самостоятельной предприимчивости, уверенности в своих силах, бодрой самодеятельности. Можно указать и еще на одно последствие отсутствия здесь крепостного права. Во внутренних областях Московского государства развитие служилого дворянского землевладения, опиравшегося на закрепощение народа, приводило, между прочим, к резкому взаимному расграничению и отчуждению сельского и посадского населения. Посад и уезд слишком уже расходились там по условиям жизни, а законодательные постановления еще более содействовали этому обособлению, формально воспрещая переход крестьянина на посад, и посадского человека на село. Вместе с тем развитие служилого землевладения подрывало единство всеуездного мира. Помещики и вотчинники с их земельными владениями, выключались из всеуездных мирских раскладок государевых податей и между посадом и крестьянским населением служилых земель исчезала эта самая важная точка соприкосновения, в прежние времена являвшаяся основой развития всеуездного самоуправления.

На Севере наблюдаются прямо противоположные явления. Там служилое землевладение не врезалось клином между посадскими и волостными мирами, а преимущественное развитие торгов и промыслов, в которых принимали участие все слои населения, сближало посадских людей и волостных крестьян на почве единства профессиональных занятий, отношений и интересов. Именно на Севере мы встречаем за это время „всеуездные миры“, т. е. крупные общественные союзы, обнимавшие вместе посад с уездом, которые сообща избирали „всеуездных старост“ и сообща вели общие мирские дела. Посадские люди здесь охотно приобретали деревенские участки, которые были им нужны для развития промыслов, питавших их торговую деятельность, а уездные

крестьяне часто имели дворы на посадах. Конечно, все это не устраняло различных столкновений между посадом и уездом, но то были столкновения, разыгрывавшиеся не между двумя взаимно отчужденными мирами, а, как бы сказать, в своей среде и потому эти столкновения не мешали посадским людям и волостным крестьянам в нужные моменты сплачиваться дружно в общих согласных действиях.

Отмеченные только что бытовые особенности Северного края: энергично развиваемая торговопромышленная деятельность, придававшая материальную крепость местным „мирам"; бодрая предприимчивость местного населения и живое общение между посадским и волостным населением на почве широкого „всеуездного" самоуправления,—давали возможмость Северному краю играть важную роль в жизни Московского государства и в чисто *политическом* отношении.

В моменты наиболее тяжелых кризисов, переживавшихся время от времени Московской государственностью, именно Северный край являлся крепкой опорой возрождения государственного порядка. Всего ярче эта роль Севера выразилась во время самого тяжелого из этих кризисов, разыгравшегося на рубеже XVI и XVII ст. Как раз оттуда, с черносошного Севера, всего ранее выдвинулся тогда бодрый мирской почин в смысле отпора анархическим движениям, толкавшим Московское государство в бездну окончательной разрухи.

Самым критическим моментом в развитии „Смуты", когда во истину всколебались все основы государственных отношений, и, казалось, исчезала всякая надежда на их благополучное восстановление, было время появления второго самозванца, „Тушинского вора", время анархического движения „тушинцев". В предшествующий этому моменту период „Смуты" разруха уже сделала большие успехи, страна уже жила ненормальной жизнью и междоусобица общественных классов уже потрясала основы привычного порядка. Но все же эта междуусобная борьба, хотя и сопровождавшаяся кровавыми столкновениями и внезапными дворцовыми переворотами, так или иначе развивалась в определенных рамках. Боролись определенные группы, каждый знал с кем и во имя чего он ведет борьбу. От смерти Федора Ивано-

вича до воцарения Василия Шуйского то была борьба различных групп московского боярства. В первую половину царствования Василия Шуйского на сцену выступило во имя своих особых интересов служилое дворянство южных уездов Московского государства (Ляпуновское движение), а затем холопско-крестьянское ополчение Болотникова.

С появлением второго „вора", Смута дошла до той точки своего развития, когда движения определенных общественных групп сменились чисто анархическим общим хаосом.

В Тушине сошлись представители всех групп, которые могли соединиться только на чисто разрушительной, погромной общей работе, ибо всякая попытка создать какую-либо положительную программу, тотчас поссорила бы их друг с другом и погубила бы все Тушинское дело, как это впоследствии и случилось.

И вот, в период Тушинского вора, Смута вырождается в хаотический грабеж, принимающий характер какого то разнузданного массового психоза. Современные описания изображают набеги тушинцев на различные области самыми мрачными красками, точь в точь такими, какими некогда летописцы описывали набеги полудиких половцев на Приднепровскую Русь. В довершение бедствий в этот метущийся хаос вмешались иноземцы—поляки и шведы, воспользовавшиеся этой „разрухой" для вторжения в русскую землю. В конце концов заведенная тушинцами анархия—как это бывает со всякой анархией—начала с'едать сама себя и в различных областях население стало подыматься ради восстановления порядка, что и привело к успеху Нижегородского ополчения Минина и Пожарского. Но это произошло значительно позднее, когда население в достаточной мере настрадалось от общего безнарядья.

В момент наиболее сильного разгула Тушинского движения в большинстве областей мы такого спасительного почина еще не замечаем; неистовства тушинцев словно ошеломили тогда население, которое растерялось, не могло сразу найтись и разобраться в хаотическом вихре событий. Вот в этот то критический момент, когда московское правительство безпомощно озиралось вокруг, ища точки опоры, северные „миры" подали пример здоровой, уверенной, планомер-

ной инициативы, которая и нанесла первый удар тушинским анархистам.

Когда Скопин Шуйский двинулся от Новгорода вместе с вспомогательным шведским отрядом на спасение Москвы от тушинцев, он вошел в сношения с северными мирами, ища там поддержки и опоры. И северный край не обманул его ожиданий.

Еще из Новгорода Скопин-Шуйский рассылал грамоты по всему поморью от Перми до Соловецкой обители и по этим его „отпискам" на Севере формировались рати и собирались экстренные сборы на военные нужды. Центральным пунктом, об'единявшим это движение, охватившее все Поморье, явилась Вологда. В Вологду посылал Скопин свои грамоты с тем, чтобы вологодские воеводы от себя рассылали их копии „во все Поморские места". Вологда явилась и военным и финансовым центром этого движения. Случилось так, что осенью 1608 г. в Вологде с'ехались и вследствие военных тревог застряли все иностранные торговцы, везшие в Москву из Архангельска иностранный товарный привоз навигации 1608 г. и „все лучшие люди московские гости", выехавшие из Москвы на север с „великими товары" и „с государевой казной". По словам историка Смуты С. Ф. Платонова, это „случайное население Вологды связывало ее тесною связью и с Москвою, откуда происходили сидевшие в ней русские гости и с архангельским портом, откуда в ней явились иноземные купцы. И те и другие, оберегая свое имущество, готовы были до последней крайности защищаться от воров и звали на борьбу с ними все окружающие места»*). Тушинцы со своей стороны оценили исключительное значение, которое, таким образом, приобретала Вологда, хотя бы уже по одному тому, что там сосредоточилось все то, что Московское государство получало ежегодно с Севера по первому зимнему пути. В Вологду явился из Тушина дьяк, с намерением опечатать купеческие товары и конфисковать их. Но владельцы товаров не допустили до того, а вологжане немедленно обратились к царю Василию, который приказал вологодским воеводам действо-

*) С. Ф. Платонов: „Очерки по истории Смуты в Московском государстве" XVI—XVII в. с. 363 и след.

вать сообща с выборными представителями от находившихся в городе „гостей“ и иноземцев. На ряду с Вологдой в такой же роли об'единительного центра по отношению к движению, охватившему все Поморье, выступил Устюг Великий; устюжане усердно призывали к борбе с тушинцами все местности, лежавшие на север и восток от Устюга. Так Устюг явился надежным базисом для Вологды и Галича в этой борьбе. Когда тушинские рати пытались со стороны Галича выйти на Сухону, в Поморские места, жители Вологды и Тотьмы выслали отряды „на заставы к засекам“ и в то же время кликнули клич по всему Поморью о скорой помощи. Тут то и выступил Устюг в своей об'единительной роли. „Устюжане—говорит С. Ф. Платонов—вели деятельные сношения с городами на Вычегде, Вятке и Каме, сообщали им вести, требовали присылки людей и средств и разделяли приходившие на Устюг северные дружины между Вологдою „и Тотьмою, одних“ отпуская на „Вологду, других—на тотемские засеки по лесным речкам“.

Кроме вооруженных отрядов, северные „миры“ собирали и высылали на нужды борьбы с тушинцами и необходимые платежные средства. И в этом отношении Устюг развивал усиленную деятельность. Из собственного уезда он извлек все платежные средства для этой цели и настойчиво призывал к таким же пожертвованиям другие места Поморья.

Эти дружные усилия северных „миров“ помогли Москве справиться с напором тушинцев и в то же время показали и остальным местностям государства пример бодрого самостоятельного почина в деле возрождения страны, гибнувшей от анархического развала. Недаром в мае 1609 года, царь Василий, почувствовав облегчение в борьбе с тушинцами, разослал похвальные грамоты „вологодцам, белозерцам, каргопольцам, сольвычегодцам, тотьмичам, воженам, двинянам, костромичам, галичанам, вятчанам“. Северные „миры“ занимают в этом перечне наибольшее место.

Окидывая общим взглядом все это знаменательное движение, С. Ф. Платонов замечает: „единодушие, взаимное доверие и согласованность действий северных городов истекали не только из единства народного чувства и политических симпатий, но также из однородности мирской органи-

зации по городам и из торгово-промышленных отношений, скреплявших взаимною связью хозяйственную жизнь различных районов московского севера. Привычные сношения северных городов с другими городами и собственным уездом много содействовали устройству обороны края, собиранию ратей и соединению их в важнейших пунктах борьбы".

К этому надо прибавить, что и сам под'ем торгово-промышленной жизни в Северном крае в ту эпоху и возбуждал в местном населении особенное стремление к скорейшему избавлению страны от анархии и давал ему материальные силы, необходимые для осуществления этой цели.

И в последнюю стадию „Смуты", при окончательной ликвидации кризиса, когда народное движение в сторону восстановления порядка охватило уже многие местности государства и Нижегородское ополчение, ставшее тогда центральным фокусом этого движения, отправилось на освобождение Москвы, оно недаром начертало себе путь на Москву через Ярославль и недаром сделало в Ярославле продолжительную остановку.

Во время этой ярославской стоянки, руководители ополчения, Пожарский и Минин, развили энергичную деятельность по подготовке восстановления в стране правильного порядка, и опять-таки в связи с крепкими северными мирами играли при этом немаловажную роль.

VII.

Последующие судьбы Северного Края.

XVIII столетие принесло с собой начало ослабления того значения — экономического и политического, — какое принадлежало Северному Краю в предшествующий период нашей истории. Выше мы представили ряд фактов, указывающих на то, что мог давать этот край в те времена, когда к нему было привлечено внимание и государства и торгово-промышленного мира. Но, начиная с XVIII ст., это внимание как раз все более отвлекается в иную сторону в иных направлениях. Об'ясняется это обстоятельство тем, что в XVIII ст. северный путь перестает служить единственным

„окном в Европу“ для русского государства. Первая половина XVIII ст. ознаменована в политической и экономической жизни России устремлением к Балтийскому побережью и затем закреплением господства России на балтийских берегах. Вторая половина XVIII века характеризуется устремлением к южным морям, которое получает свое удовлетворение в территориальных приобретениях Екатерины II.

Когда после Полтавской победы Петр I получил уверенность в удачном исходе долголетней Северной войны, он, еще и не дожидаясь ее окончания, приступил к принудительным мерам, направленным на перемещение прежних путей русской торговли. Задача была поставлена определенно: Петербург должен был получить теперь торговую гегемонию, ранее принадлежавшую Архангельску.

Началось с того, что в 1713 г. был издан указ, запретивший возить в Архангельск на продажу пеньку и юфть. Эти товары можно было отныне отпускать только через Петербургский порт. Это правило было распространено и на казенные товары--икру, клей, поташ, смолу, щетину, ревень. Напротив того, хлеб дозволено было вывозить и через Петербург и через Архангельск, кому куда способнее.

При всех удобствах и преимуществах нового пути, сношения с Архангельском в такой степени стали привычными для русского купечества, что в следующем же году пришлось *по просьбе русских купцов* разрешить дозволить половину всяких русских товаров доставлять в Архангельск, а половину—в Петербург.

В 1717 г. эта пропорция была изменена; „для размножения петербургской торговли“, русские купцы могли теперь только одну треть своих товаров доставлять к Архангельску, а две трети—непременно к Петербургу. Но в 1719 году пришлось смягчить и это постановление и в Петербург, наоборот, велено было доставлять не менее одной трети, а остальные две трети—к какому порту кто пожелает.

Затем были проведены все с той же целью облегчения в таможенном обложении при Петербургском порте. В Архангельске и Коле оставлены были прежние пошлины, тогда как при Петербургском порте они были понижены с 5-ти % до 3%.

Этот круг мероприятий завершился указом 1721 года, в котором устанавливалось окончательное расписание, какие товары, к которым портам могут быть доставляемыми. К Архангельску разрешено доставлять товары только из тех областей, которые прилегают к водяному пути по Северной Двине, но товары, следовавшие туда через Вологду зимним путем, обращались в Петербург. Точно также в Ригу и Нарву был разрешен привоз только из определенных прилегающих к этим портам районов. Весь остальной торговый рынок должен был направляться исключительно в Петербург под страхом конфискации товара в казну за неисполнение этого правила.

Смысл всех этих постановлений был совершенно ясен. У Архангельска отнималось значение *всероссийского* порта, которое передавалось Петербургу.

Мы упоминали выше, в другой связи, о том, что и после этих перемен Архангельск долго еще удерживал за собой часть былого значения; так на его долю долгое время по прежнему приходились сибирские торговые транспорты. Но все же удар был слишком сокрушительным и его последствия незамедлили вскоре выразиться в красноречивых цифрах. При Петре I оборот архангельской ярмарки достигал 3 миллионов рублей на тогдашние деньги, а после Петра вследствие перевода торговли в Петербург он упал до 300 тысяч рублей. Прежде 89% русского отпуска шло к Архангельску, а теперь такое же количество его направилось в Петербург.

Но прежняя кипучая деятельность Архангельского порта и все вообще торговое движение по Двине играло слишком важную, определяющую роль в общем торгово-промышленном оживлении Северного Края, чтобы эта катастрофическая перемена не отразилась на общем понижении там жизненного темпа.

Северный Край мало по малу начинает переходить с тех пор на положение, как бы сказать, заштатного, захолустного существования.

В том же направлении действовало, несомненно, и устремление внимания государственной власти и заинтересован-

ных общественных групп на поднятие русского юга во вторую половину XVIII ст., в царствование Екатерины II, в эпоху войн с Турцией, Потемкинских мечтаний об изгнании турок из Европы и утверждения русского влияния в Цареграде, усиленных забот о колонизации Новороссии и первых еще робких и неудачных попыток наладить вывоз южно-русского хлеба через Черное море. Конечно, это тяготение и к Балтийскому морю и к южным морям отвечало реальным экономическим потребностям расширявшегося русского государства, конечно это стремление к пробуждению малоподвижного до толе юга России имело громадное значение и обещало в будущем в высшей степени важные результаты.

Но благоразумно ли было одновременно со всем этим забрасывать разработку промысловых богатств русского севера, сделавшую уже такие успехи в предшествующие времена? Конечно, Северный Двинский путь по отношению к внешней торговле России должен был уступить первенствующее место новым кратчайшим и удобнейшим путям, которые вели к морским берегам, не столь отдаленным от Западной Европы, нежели берега Северного поморья.

Но ведь Северный Край, и помимо этого специфического значения Архангельского порта, как единственного в свое время „окна в Европу", был важен и нужен для России своими внутренними естественными богатствами. Не надлежало ли развивать далее их разработку и эксплоатацию и при изменившихся обстоятельствах?

Нельзя сказать, чтобы о „северных промыслах" совсем забыли со времен Петра I. Некоторый интерес к ним несомненно проявлялся. Но их судьба в слишком большой степени и слишком часто отдавалась на жертву мертвящей канцелярщине и пышно расцветшему в XVIII ст. фаворитизму, которые губили живое дело. Характерным примером тому может служить хотя бы судьба „морского звериного и китового промысла" на Севере, история которого довольно подробно прослежена в не так давно появившемся специальном исследовании *).

*) Э. Веберман. „Китобойный промысел в России", ч. I. История промысла. М. 1914 г.

С 1704 г. Петр I отдал эти промыслы в содержание кампании, во главе которой стояли кн. Меньшиков и Петр и Павел Шафировы. Кампания получила монопольные права на производство этого промысла по всему поморью. К концу Северной войны Петр I совершенно разочаровался в результатах хозяйничанья этой кампании. В 1723 г. Петр организовал казенное „Кольское Китоловство", для которого были сооружены в Архангельске три корабля. Постройка этих кораблей была поручена Баженинovым, жителям Холмогорского уезда, дальний предок которых в 1570 г. переселился в Двинскую губ. из Великого Новгорода. Директорами „Кольского Китоловства" были назначены иностранец Вернизобер и русский Неклюдов.

„Китоловство" открыло свои действия уже по смерти Петра и первый год его деятельности ознаменовался лишь гибелью одного корабля, авариями двух других и при этом ни одного кита не было убито. В 1727 г. и 1728 г. убили двух китов да третьяго нашли выброшенным на берег.

Эти более чем скромные результаты сопровождались громадной канцелярской перепиской и безпрестанным требованием все новых ассигновок от директоров „Китоловства".

Назначили ревизию; ревизия вскрыла картину всевозможных злоупотреблений и выяснила, что в неуспехе дела были виноваты высшие лица, причастные к „Китоловству".

За 4 года своей деятельности „Китоловство" добыло всего 4 кита и 2 белых медведей, по 1 киту в год на 3 корабля. Вся эта 4-х летняя добыча была оценена в 17.781 руб., а расходы на содержание предприятия выразились в сумме 86.935 руб.

Немудрено, что это казенное „Китоловство" было ликвидировано и в 1731 г. промысел был отдан в содержание кампании купца Евреинова с братьями. Евреиновы получили промысел в свое содержание на 30 лет Но не прошло и четырех лет, как президент Коммерц-Коллегии Шафиров, нисколько не стесняясь формальным контрактом, заключенным казною с Евреиновым, провел постановление об отнятии промысла у Евреиновых и передаче его .. ему, Шафирову на 10 лет. С тех пор прочно устанавливается система от-

дачи этого промысла на содержание высокопоставленным петербургским сановникам. В связи с изменчивостью сановных карьер промыслы отнимались у одного сановника и передавались другому, столь же далекому от Севера; сановники, разумеется, руководили предприятием чисто фиктивно, о поднятии дела и экономических интересах страны не заботились, а смотрели на „пожалование“ их промыслом просто как на одну из подачек от милости верховной власти. Разумеется, промыслы могли только падать при таких условиях.

Шафиров владел промыслами до своей смерти (1741 г.) и затем они перешли на содержание к генерал-берг-директору Шембергу. Этот начал с того, что пригласил в руководители предприятия... бывшего директора казенного „Китоловства“ Вернизобера, погубившего в свое время „Китоловство“ своими злоупотреблениями. А затем и сам Шемберг был обвинен в лихоимстве и присвоении казенного имущества. Промыслы были от него отобраны в 1742 г. и обращены опять в казенное содержание, при чем было высчитано, что за время с 1725 по 1742 г. казна понесла от этого промысла чистого убытку 67.031 руб. на тогдашние деньги, т. е. около 670.310 руб.

С 1749 г. по 1768 г. промыслы содержал известный сановник и крупный делец Елизаветинского времени Петр Шувалов. Его управление было гибельно для промыслов. В течение двадцати лет при нем количество сала, ежегодно отправляемого заграницу с этих промыслов, упало с 14000 бочек до 8000

Екатерина II об‘явила, наконец, эти промыслы „вольными“.

Мы уже не будем следить за судьбами промыслов во второй половине XVIII в. и в XIX ст. Интересующихся подробностями отсылаем к названной книге г. Вебермана. Но, отметим, что всего чаще предприятия в этой области либо разбивались о бесчисленные препятствия, воздвигавшиеся на их пути канцелярской рутиной петербургских „ведомств“, либо с самого начала бывали испорчены тем, что во главе их становились не люди серьезной торгово-промышленной инициативы, а различные сановные персоны, вносившие в дело приемы, замашки и стремления, не имев-

шие ничего общего с действительными серьезными интересами предприятия.

Мы остановились на истории этого промысла лишь как на характерной иллюстрации к тем условиям, которые поддерживали захирение северной промышленности с начала XVIII ст. Не ясно ли, что не в самом Севере было тут дело, а в том, что под влиянием временного стечения исторических обстоятельств внимание подлежащих общественных кругов и государственной власти было отвлечено в другую сторону.

Справедливость требует отметить, что и после Петра Великого для русской северной промышленности и торговли выдавались моменты относительного под'ема. Так отмена различных монополий при Екатерине II и некоторые другие мероприятия этого царствования дали благотворный толчек к оживлению архангельской торговли. Так, политические обстоятельства, связанные с международным положением России в эпоху Наполеоновских войн, временно переместили центр тяжести Русской внешней торговли к Архангельску, так что историк Архангельска называет даже некоторые моменты царствования Александра I-го „золотыми годами Архангельского порта" *). Но все это было преходяще и все это далеко не достигло того уровня, на котором стояло экономическое значение Севера в жизни Московского Государства до—Петровской эпохи.

Середина XIX столетия принесла с собою для России отмену крепостного права и связанный с этим под'ем русской торгово-промышленной жизни. Однако на Северном Крае под'ем этот отразился в наименьшей степени и можно даже сказать, что заброшенность этого края стала сказываться с этого времени еще резче. Почему так случилось?

После освобождения крестьян Россия стала покрываться сетью железных дорог и введение парового транспорта вместе с другими переменами в области промышленной техники поставило на совершенно иные рельсы экономическую жизнь России, создало новые условия для русского народного хозяйства. Но Северный Край не сочли тогда нужным приоб-

*) Огородников. „Очерк истории г. Архангельска". СПБ. 1890 г.

щить к этим новым условиям, его оставили вне железнодорожной сети и никто не признал уместным припомнить ту роль, которую он некогда играл в экономической жизни России Кажется теперь настала пора напомнить об этом и мы старались сделать это настоящим очерком

Наш исторический обзор приводит, думается нам, к совершенно определенному заключению. В XVI и XVII в.в. Московская Русь получала обильные плоды от промышленного под'ема Русского Севера. И этот исторический пример указывает на то, что мог давать России Север в то время, когда он был связан с остальными частями страны общностью приемов тогдашней промышленной техники. В новое время, с середины 19 ст., Северный Край был, как бы сказать, оставлен за бортом технического прогресса, вводившегося в прочих частях Европейской России, и тем самым было парализовано экономическое развитие этого края, к которому у него имеются засвидетельствованные его историческим прошлым богатые задатки. Вывод отсюда, кажется, совершенно ясен.

Для того, чтобы промышленные рессурсы Северного Края не пропадали втуне, не лежали под спудом; для того, чтобы там, как было уже встарь, вновь забила ключем творческая работа, которая на благо всей России мобилизовала бы естественные богатства этого края—нужно только одно: нужно опять поставить этот край в равные условия с прочими частями страны в отношении его технического оборудования. Нужно придти туда с железными дорогами, с широко поставленными предприятиями по разработке местных промыслов, с густою сетью всевозможных образовательных учреждений—словом, со всем тем, что выработано мировой промышленной культурой 19 ст.

Расцвет экономической жизни Северного Края в XVI—XVII в. об'яснялся тем, что в те времена он находился в таких же условиях экономической техники, как и прочие части Руси того времени. И Север давал тогда максимум той производительности, на какую он способен по содержанию своих хозяйственных рессурсов. Впоследствии это то равенство условий и было нарушено. Распространить на северный край результаты последующего технического про-

гресса почему то не считали нужным. Кажется, заключение вытекает отсюда само собой. Восстановите это равенство, поставьте условия промышленной культуры на Севере в уровень с современными требованиями и тогда—там вновь развернется та картина экономического под'ема, к которому этот богатый естественными рессурсами край способен. Порукою в том служит историческое прошлое этого края, в кратких чертах рассмотренное на предшествующих страницах.